

**КАНТ И ГЕНДЕРНОЕ УГНЕТЕНИЕ:
ПОЛОЖЕНИЕ СОСТОЯТЕЛЬНЫХ
ЖЕНЩИН В XVIII ВЕКЕ,
«КОСВЕННОЕ ВЛАДСТВО»
И ГЕНДЕРНАЯ ЭМАНСИПАЦИЯ**

Н. Санчес-Мадрид¹

В статье критически рассматривается невольное гендерное угнетение, лежащее в основе кантовского антропологического и правового подхода к домашнему труду. Подчеркивается целесообразность анализа кантовских воззрений на репродуктивные задачи для более полного понимания исторической подоплеки современных взглядов на этот вид труда. Для достижения данной цели, во-первых, исследуется множественность значений термина «социальное владение» в контексте «Антропологии в прагматическом отношении». Во-вторых, уделяется внимание использованию этого термина в переносном смысле при описании домашнего порядка в разделе «Характер пола» указанного сочинения. В-третьих, рассматриваются классовые социальные предрассудки, определяющие направление кантовского анализа роли женщины в буржуазной семье: такая женщина освобождается от обязанностей по уходу за близкими и воспитанию детей благодаря накопленным супругом средствам. Наконец, делаются выводы о том, что в своем рассуждении о социальной субъектности женщины Кант сосредоточивается на привилегированном положении состоятельных жительниц Пруссии XVIII в., пренебрегая тяготами, с которыми сталкивались в то время более уязвимые группы, а также необходимостью наделения гражданскими правами каждого члена сообщества.

Ключевые слова: Кант, женщины, сексизм, гендерное угнетение, владение, уход за членами семьи

¹ Мадридский университет Комплутенсе, Испания, 28040, Мадрид, Пласа Менендес Пелайо. Поступила в редакцию: 27.05.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-1

**KANT AND GENDER OPPRESSION:
PRIVILEGED EIGHTEENTH-CENTURY
WOMEN, 'INDIRECT DOMINATION'
AND GENDER EMANCIPATION**

N. Sánchez Madrid¹

This paper critically addresses the unwitting gender oppression underpinning Kant's anthropological and legal approach to domestic labour, highlighting the helpfulness of his analysis of reproductive tasks for casting light on some of the historical causes behind the current view of such labour. With this general aim in mind, I first address the multiple meanings of the term 'social domination' as it is used in Anthropology from a Pragmatic Point of View. Second, I focus on the figurative sense Kant assigns to this term in his account of the domestic order in the section 'The Character of Sex' from the same essay. Third, I highlight the social class biases that determine Kant's examination of the role that women play in bourgeois families, where they are expected to outsource their caregiving and childrearing tasks thanks to the patrimony their husbands have accumulated. Finally, I draw some conclusions regarding the social agency that Kant considers available to women, suggesting that his account prioritises the privileged circumstances of wealthy women in eighteenth-century Prussia, neglects key challenges faced by more vulnerable groups in his time, and fails to support the extension of citizenship rights to the entire commonwealth.

Keywords: Kant, women, sexism, gender oppression, domination, caregiving

¹ Complutense University of Madrid (UCM). Plaza Menéndez Pelayo s/n, 28040 Madrid, Spain. Received: 27.05.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-3-1

1. Введение

Несмотря на то что практическая философия Канта не позволяет классифицировать его как поборника прав женщин, примечательно внимание, уделяемое им женским способностям и обычновениям как ключевой характеристике истории морали и культуры. Например, он подчеркивает существенную разницу между ролями женщины в «гражданском состоянии» и при «варварском гражданском устройстве» (AA 07, S. 304; Кант, 2024а, с. 362)². Цель этой статьи — выявить противоречия между сексизмом кантовских замечаний, встречающихся в его антропологических работах, и его зияющим на моральных и правовых основаниях одобрением эмансипации пассивных граждан, которые, в общем случае, «не должны противиться возможности перейти из этого пассивного состояния в активное» (AA 06, S. 315; Кант, 2014, с. 315), а также не обязаны принадлежать в течение всей жизни к тому социальному классу, частью которого они оказались по рождению³. Даже при некотором скептическом отношении к материальной возможности улучшения гражданского состояния женщин в рамках кантовских воззрений, несомненным остается тот факт (многократно подчеркиваемый Варден (Varden, 2020, p. 107–111)), что в своей программной работе о просвещении Кант имеет в виду «весь прекрасный пол», приводя пример явного

² См. любопытный анализ данного концептуального разграничения у Варден (Varden, 2020, p. 93–94). Она обращает внимание на признаваемое Кантом за женщинами «знание света», используемое ими для понимания того, как их воспринимают другие. Это знание противопоставляется более объективным навыкам, приписываемым мужчинам, чье положение в большей степени определяется обществом.

³ См. в работе Варден: «[Кантовские] рассуждения однозначно исключают возможность принятия государствами законов, запрещающих женщинам стремиться к активному гражданскому состоянию» (Varden, 2020, p. 107). Ценным представляется и замечание Паско о том, что «кантовские рассуждения о справедливости известны своей систематичностью», несмотря на то что его «представления о доминировании и угнетении откровенно не систематичны», так как они обычно укоренены в гендерных, расовых и классовых предрассудках (Pascoe, 2022, p. 53).

1. Introduction

Even if Kant's practical philosophy does not make it easy to consider him a champion of civil advancement for women, the attention he devoted to exploring female abilities and habits as a key feature of moral and cultural history is remarkable. For instance, he stresses the considerable gap between the roles that women play in 'developed' societies as opposed to 'barbarous' ones (*Anth*, AA 07, p. 304; Kant, 2006, p. 205).² In this paper, I hope to shed light on some of the tensions between the often sexist remarks in his anthropological writings, and his moral and legal encouragement to advance the emancipation of passive citizens, who are generally expected "to work [their] way up from this passive condition to an active one" (*MS RL*, AA 06, p. 315; Kant, 1996a, p. 92), and thus not remain attached to the social class into which they are born.³ Even if one adopts a sceptical position towards the material feasibility of the civil betterment of women on Kant's account, it is a fact — as Varden has highlighted in various papers (Varden, 2020, pp. 107–111) — that he alludes, in such an openly programmatic work as "What is Enlightenment?", to "the entire fair sex" as an example

² For an inspiring account of this conceptual breakdown, see Varden (2020, pp. 93–94), who emphasises the 'social knowledge' that Kant attributes to women, used to judge how they are perceived by others, in comparison with the more objective skills associated with men, whose corresponding position appears more authorised by society.

³ In this connection, see Varden (2020, p. 107): "[Kant's] account explicitly blocks the possibility that just states can pass laws that make it illegal for women to work themselves into active citizenship". I am also particularly indebted to Pascoe's observations on the fact that "Kant's account of justice is famously systemic", even if his "accounts of domination and oppression are pointedly not systemic", as they are usually embedded in gender, racial and class biases. See Pascoe (2022, p. 53).

нежелания большинства субъектов эмансипироваться, скинув с себя оковы культурного и политического угнетения⁴.

В подобной критической позиции прослеживаются и обвинения в адрес мужчин, которые, будучи наставниками и мужьями, несут основную ответственность за прискорбное отсутствие у женщин автономии мысли. В упомянутой работе Кант пишет и о том, что именно наставников и менторов следует винить в гражданской отсталости женщин, которых лишают столь необходимой ученику уверенности в возможности эмансипации, делая их «робкими и отпугивая обычно от всех дальнейших попыток» (AA 08, S. 36; Кант, 2024б, с. 49)⁵. Не противореча педагогическим методам, характерным для кантовского времени, данное высказывание принимает трагический оттенок, будучи применено к женщинам, чей вклад в политическую жизнь сообщества в качестве законодателей не предусматривается, поскольку подобная деятельность считается прерогативой активных граждан. Невзирая на регулярные указания Канта на якобы естественные ограничения, сводящие деятельность женщин к домохозяйству, получение взвешенной картины его воззрений на социальное и гражданское положение женщин требует подробного анализа утверждений, подобных приведенному выше.

В рамках кантовской философии антропологии и права наделение женщин гражданским избирательным правом — неоднозначная тема, в некотором смысле несущая двойное послание. Женщины рассматриваются, с одной стороны, как не более чем пассивные граждане (хотя и

of the apparent reluctance of most subjects to emancipate themselves from the cultural and political chains that oppress them.⁴

Moreover, this critical stance seems particularly to blame men, in their roles as tutors and husbands, as the main subjects accountable for the regrettable lack of autonomous thinking shown by women. To this effect, Kant suggests in the aforementioned text that tutors and supervisors should be considered guilty for the civil backwardness of women, as they take away their pupils' confidence in their own possibilities of emancipation, making "them timid and usually [frightening] them away from any further attempt" (WA, AA 08, p. 36; Kant, 1996d, p. 17).⁵ Although this statement is in line with the pedagogical methods typical of Kant's times, it becomes especially tragic in the case of women, who are never intended to actively partake in the political agenda of the commonwealth as co-legislators, a task only expected of active citizens. Such claims should be attentively explored in order to sketch a balanced image of Kant's account of the social and civil standing of women, even if he often avows the allegedly natural obstructions that restrict women to the household.

The civil enfranchisement of women presents an entangled issue in Kant's anthropological and legal philosophy, one which generates a sort of double-bind: women are re-

⁴ Представляется важным обратить внимание на отрывок (AA 08, S. 295; Кант, 2024в, с. 137), где Кант размышляет о том, что «естественная» биологическая и, по-видимому, непреодолимая культурная сущность женщины лишает ее полноценного гражданского статуса.

⁵ Варден (Varden, 2020, p. 107–108) сопровождает приведенный отрывок любопытным и подробным комментарием, подтверждающим благосклонное отношение Канта к «улучшению гражданского состояния» женщин, и сопоставляет его воззрения с идеями, изложенными в новаторской работе его бывшего студента, затем друга и частого сотрапезника Теодора фон Гиппеля (Hippel, 1792; 1979).

⁴ Throughout this article, I refer to Kant's writings according to the *Akademieausgabe* volume order and pagination. My quotes are from the Cambridge editions of Kant's works. It is important to consider a well-known passage in *TP*, AA 08, p. 295 (Kant, 1996c, p. 295), where Kant suggests that the 'natural', biological, and seemingly inalterable cultural quality of being a woman deprives her of full citizenship.

⁵ Varden (2020, pp. 107–108) provides a stimulating and detailed comment of the quoted passage as evidence of Kant's sympathy for the potential 'civil improvement' of women, in reference to a groundbreaking essay by his former student, friend, and frequent dinner companion, Theodor von Hippel (1792; 1979).

потенциально обладающие рациональностью), а с другой — как неотъемлемые элементы домохозяйств, которые они не в состоянии содержать самостоятельно, не будучи экономически активными субъектами. При этом предполагается, что они могут вести домашние дела и даже «властвовать», но не «править»: здесь Кант проводит четкую границу. Властвует же женщина над мужем посредством силы эмоций и соблазна. При всей сложности переплетения тем пола, гендера и гражданства в кантовском анализе, в данной работе будет предпринята попытка, с одной стороны, показать взаимосвязь между отказом признавать за женщинами право на полноценный гражданский статус и воздействием идеологических паттернов, в рамках которых женщины оказываются скованными этическим насилием, проистекающим из соответствующих общественных обычаев⁶. С другой стороны, будет проанализирована гносеологическая слепота, лежащая в основе кантовских воззрений на социальную роль женщины, а именно его приоритетное внимание домохозяйствам, принадлежащим к высшему классу, и пренебрежение опытом социально-репродуктивного труда, накопленным иными группами домохозяйств. Представляется, что данное Кантом описание свойственного женщинам домашнего поведения не охватывает все типы семейств, существовавших в его время, но уделяет преимущественное внимание состоятельным домохозяйствам, больше напоминающим то, где мо-

⁶ Интересно сопоставить кантовские замечания по поводу женщин с историческими и диалектическими изысканиями Т. фон Гиппеля, имеющими целью улучшение гражданского состояния женщин. См.: «В достижении той великой цели природы, согласно которой человек представляет собой образ и подобие создателя, роль женского пола несравнимо существеннее, чем мужского, как в отношении содержания, так и в отношении формы» (Hippel, 1979, p. 34). См. также: (Sabourin, 2021a). В том же ключе кантовский гендерно-детерминированный идеал критикует О. Ленчевска, обращая внимания на работы польской женщины по имени Каролина, полуанонимно опубликовавшей несколько статей в журнале *Monitor*. Каролина ставила под сомнение ограничение активности женщины домашним кругом, выдвигая концепцию разделенного социально-репродуктивного труда. См.: (Lenczewska, 2025).

garded as merely passive citizens despite their potential rationality, and simultaneously as an essential part of a household which they cannot afford, as they are not economically active agents, yet are expected to administrate and even ‘to dominate’ — which Kant carefully distinguishes from the act of ruling — through the powers of emotion and seduction they are expected to exercise over their husbands. Conscious of the complex intertwinement of Kant’s remarks on sex, gender, and citizenship, I intend, on one hand, to explore the ties between his refusal to recognise full citizenship for women, and the influence of ideological patterns under which they are shackled by the ethical violence that such social habits trigger.⁶ On the other hand, I will examine the epistemic blindness that underpins Kant’s view of the social role of women, insofar as he focuses primarily on wealthier households and neglects the experience of social reproduction that other types of domestic groups may contribute. In my view, Kant’s depiction of the domestic behaviour typical of women does not encompass all family types of his time, but is focused on wealthy households, more similar to the ones that the young Kant served in as a private tutor than to his own large family,

⁶ It is interesting to contrast Kant’s anthropological remarks about women with the historical and dialectical efforts of T. von Hippel to improve their civil status. See Hippel (1979, p. 66): “In fulfilling that great purpose of Nature in which human beings display the divine image of God, the female sex plays a disproportionately more significant role than the male with respect to both matter and form.” See also Sabourin (2021a). Along similar lines, Lenczewska (2025) takes issue with Kant’s gendered ideal of human development by highlighting the work of a semi-anonymous Polish woman called Karolina, who published some articles in the Polish journal “Monitor” challenging the relegation of women to the domestic space by advocating a more distributed notion of social reproductive tasks.

лодой Кант работал частным учителем, чем его собственное, состоявшее из отца-шорника, матери-домохозяйки (вероятно, обходившейся без помощи слуг) и семи братьев и сестер.

Опираясь на изложенные выше критические замечания, автором в первую очередь будет проанализирована множественность значений термина «социальное властвование», встречающихся в «Антропологии в прагматическом отношении». Во-вторых, будет рассмотрен переносный смысл, в котором Кант употребляет данный термин в размышлениях о домашнем порядке в разделе «Характер пола» упомянутой работы. В-третьих, будет дана оценка классовым предрассудкам, повлиявшим на рассуждения Канта о роли женщины в буржуазной семье, где обязанности по уходу за близкими и воспитанию детей делегируются благодаря средствам, накопленным супругом. Наконец, делаются выводы о характере социальной субъектности, которую Кант считает присущей женщине, о преимущественном внимании, уделяемым им привилегированному положению состоятельных жительниц Пруссии XVIII в. в ущерб рассмотрению затруднительных обстоятельств более уязвимых групп того времени, а также о том, что в его работах тезис о распространении гражданских прав на всех членов сообщества не находит должной поддержки.

2. Кант о социальном властвовании: антропологический подход

Перед тем как погрузиться в анализ кантовских взглядов на властвование как социальную патологию, стоит сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, следует отметить, что склонность к доминированию над другими, или властолюбие, может рассматриваться в прагматической антропологической перспективе постольку, поскольку она проявляется в социальном взаимодействии. Как отмечается в «Лекциях по этике», практическая философия устанавливает связь между нрав-

with a saddler as a father, a housewife mother — probably without the support of domestic servants — and seven siblings.

With this critical framework in mind, I will first address the multiple meanings of the term 'social domination', as it is used in *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Second, I focus on the figurative sense that Kant assigns to this term in his account of the domestic order in the section 'The Character of Sex' from that essay. Third, I highlight the social class biases that influence Kant's examination of the role that women play in bourgeois families, where they are expected to outsource their caregiving and childrearing tasks thanks to the patrimony accumulated by their husbands. Finally, I draw some conclusions regarding the social agency that Kant sees as being available to women, suggesting that his account prioritises the privileged circumstances of wealthy women in eighteenth-century Prussia, neglects the key challenges that more vulnerable groups faced in his time, and fails to support the extension of citizenship rights to the entire commonwealth.

2. Kant on Social Domination: An Anthropological Approach

Before delving into Kant's account of domination as a social pathology, some preliminary remarks are required. First of all, it is important to note that the inclination to dominate others pertains to a pragmatic anthropological standpoint, insofar as it takes place within a common social interplay. As the *Lectures on Ethics* state, practical philosophy links moral tasks and goals with practical anthropology; that is, while practical philosophy presents the rules that guide human moral action, an-

ственными задачами и практической антропологией. То есть в то время, как практическая философия описывает правила, согласно которым осуществляется нравственное действие человека, антропология занимается «действительным поведением» людей (AA 27, S. 244; Кант, 2000, с. 39), зачастую выдвигая на передний план их пороки и слабости. Кроме того, предмет антропологического анализа во многом пересекается с областью применения психологического подхода (Louden, 2000; Knowledge..., 2018; Frierson, 2017; Sabourin, 2021b). Тем не менее выделяемая Кантом «необщительная общительность» (в том смысле, в каком она фигурирует в известном отрывке из «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане») не преследует цель пробудить у читателя чувство негодования, поскольку правила экономической конкуренции и конфликты частных интересов в конечном итоге создают устойчивую социальную сеть, поощряющую демонстрацию индивидуальных достоинств и талантов. В целом задача антропологии как близкой широкой публике дисциплины — увязать теорию нравственности с реальными обстоятельствами и ограничениями, которые человеческая природа и общественная жизнь налагают на соблюдение моральных законов. Такие ограничения очевидно преодолимы на уровне индивида, и главным инструментом здесь становится решимость субъекта. При этом они могут быть результатом не только *индивидуальных решений*, но и *несправедливости структур*, что открывает новые герменевтические перспективы при рассмотрении анализируемых Кантом вопросов. Представляется, что Кант относит склонность оказывать влияние на других людей к компетенции «технически-практического разума» (AA 07, S. 271 (§ 84); Кант, 2024а, с. 328), в широком смысле соответствующего *благоразумию*. На печальные последствия деятельности этого вида разума следует возлагать вину и за неверные индивидуальные решения субъекта.

Еще одна важная характеристика антропологии — использование образа человеческой

thropology depicts the “actual behaviour” of human beings (V-Mo/Collins, AA 27, p. 244; Kant, 1997, p. 42) and often foregrounds their frailties and shortcomings. Furthermore, an anthropological examination corresponds in large part to the scope of a contemporary psychological approach (Louden 2000; Lorini and Louden, 2018; Frierson, 2017; Sabourin, 2021b). It should be noted, however, that Kant’s portrayal of ‘unsocial sociability’ — in the terms of a well-known passage from *Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim* — does not aim to provoke a feeling of indignation in the reader, insofar as the rules of economic competition and the conflicts of individual interest are expected finally to construct a sound social network, one that favours the exhibition of individual merits and talents. In a nutshell, the popular discipline of anthropology is intended to bring the theory of morals into contact with the real obstacles and circumstances that human nature and social life pose for the compliance with moral laws. Such hurdles are usually depicted as individually amendable, possible to overcome through the sheer resoluteness of the subject. Yet those same obstacles may well stem not only from *individual choices*, but from *unfair structures*, which would present new hermeneutical perspectives for the issues Kant addresses. I consider that Kant only examines the inclination to exercise influence over other human beings under the jurisdiction of “technically practical reason” (Anth, AA 07, p. 271 (§ 84); Kant, 2006, p. 171), which in a large sense has to do with *prudence* and whose regrettable consequences are to blame for the individual choices of the subject.

Another key feature of anthropology is the fact that it deploys an image of human sociability that focuses on its collective dimension, casting light on the power that mimetic behav-

общительности в ее коллективном измерении, объясняющей способность человека к миметическому поведению, а также его неприятие пристыжения и презрения, то есть отторжение роли объекта социального неодобрения. Именно «задаток» человечности пробуждает такие чувства, как ревность, зависть и враждебность, стимулирующие субъекта стремиться к тому, чтобы «приобрести превосходство над другими» (AA 06, S. 27; Кант, 2024г, с. 106). Кроме того, не подкрепленный нравственным задатком личности, данный социальный этап свидетельствует о том, что нашей способности к улучшению состояния общества угрожают патологии, подпитываемые социальным пространством. Очевидно, что в рамках кантовского подхода подобные типы социального поведения представляются источником нравственных патологий, а не первоисточником структурной несправедливости.

Кант рассматривает склонность властвовать на другими как *жажду*, которая может стать прискорбной *страстью*, ищущей накопления власти и силы, дабы впечатлять других, и тем самым сходной с другими страстями — честолюбием и корыстолюбием, а также с глубоко укорененной в человеческой природе мстительностью. Он подчеркивает, что склонность обладать «другими как простыми орудиями своей воли» (AA 07, S. 271 (§ 84); Кант, 2024а, с. 328) и стремление «крутить дураками» (AA 07, S. 272 (§ 84); Кант, 2024а, с. 328) в общественной жизни на самом деле скрывают слабость человеческой воли. Эта склонность может проявляться трояко: субъект может желать чести, власти или финансового могущества, опираясь на *максимы благоразумия* в ущерб разуму и мудрости, чтобы использовать других людей в своих целях⁷. Если в практическом поведе-

иour has in human beings and on the great reluctance they show to be shamed or despised by others, i.e. to be the victims of social contempt. It is precisely the “predisposition” to humanity which stokes feelings such as jealousy, envy, and rivalry, and encourages the subject to “acquire superiority over others” (*Rel*, AA 06, p. 27; Kant, 1996e, p. 75). Moreover, without the support of a moral disposition to personality, this social stage confirms that our ability to improve society can be threatened by the pathologies that the social space serves to fuel. It is quite evident that the Kantian approach to such social conduct views it as the source of moral pathologies, but not as a wellspring of structural injustice.

Kant approaches the inclination to dominate others as a *desire* that can become a regrettable *passion*, aimed at accumulating strength and power in order to impress other people and thus related to other *manias*, such as the obsession with amassing honours and possessions, as well as the passion for vengeance which is so deeply rooted in human nature. He stresses that the inclination to possess “others as mere tools of one’s will” (*Anth*, AA 07, p. 271 (§ 84); Kant, 2006, p. 171) and the aspiration “to manage fools” (*Anth*, AA 07, p. 272 (§84); Kant, 2006, p. 172) in one’s social life actually conceals a frailty of human will. This inclination may be manifested in three directions, in that the subject might pursue honour, domination, or economic power, and draws on *maxims of prudence* — rather than reason or wisdom — for using other human beings for one’s own purposes.⁷ If such an inclination becomes a regular guideline for the subject’s practical

⁷ См. знаковый абзац в «Основоположении к метафизике нравов» (AA 04, S. 416 Anm.; Кант, 1997, с. 127, примеч.), в котором Кант отмечает что светская умудренность (*Weltklugheit*) всегда должна стремиться к тому, чтобы стать частным благоразумием (*Privatklugheit*), дабы по праву считаться примером благоразумия, так как знание света всегда приносит выгоду отдельному субъекту.

⁷ See a key passage in *GMS* (AA 04, p. 416n; Kant, 1996b, p. 69) in which Kant stresses that *Weltklugheit* should always aim for *Privatklugheit* to be considered an example of prudence, as this social knowledge must always be profitable for the individual agent.

нии субъект регулярно руководствуется такой склонностью, она превращается в страсть (честолюбие или властолюбие), маскирующую человеческие *слабости* под предполагаемое психологическое и нравственное *преимущество*. Иными словами, посредством подобного социального взаимодействия субъекты пытаются уравновесить более слабые элементы своей социальной субъектности, такие как зависимость от мнения других, страх оказаться в подчиненном положении и жажда выделиться на фоне других путем публичной демонстрации высокомерия, силы и власти (AA 07, S. 272; Кант, 2024а, с. 329–330).

Тем не менее отсутствие беспристрастного внешнего взгляда делает очевидными вопиющее неблагодарное и несправедливое, направляющие *страсть* к властвованию, которую Кант считает недостойным способом достижения успеха в свете (AA 07, S. 273 (§ 85); Кант, 2024а, с. 330). Действительно, в подобном поведении кроется навязчивая «боязнь, что другие будут властвовать над нами» (Ibid.; Там же), побуждающая к бунту тех, кто подозревает в таком обращении нарушение своего законного, присущего человеку права на свободу. Представляется, что такие стремления пестуют ребяческую потребность доминировать и предрасположенность овеивать других, что не способствует разумному сосуществованию. В действительности чем больше субъект получает власти над волей других, тем в большей степени им овладевают страстные притязания его собственной склонности, а именно боязнь оказаться во власти другого. Таким образом, «властвующий субъект» не может в полной мере насладиться результатами своего благодарного и хитроумного поведения. В любом случае Кант утверждает, что субъект способен прекратить подобное порочное поведение исключительно силой своей решительности, так как, согласно его воззрениям, склонность к властвованию не является следствием структурной несправедливости. Также он не связывает желание одних субъектов контролировать жизни других с от-

conduct, it becomes a *passion*, i.e. a *mania* – for honour, for domination, and for power – which disguises human *weaknesses* beneath alleged psychological and moral *strengths*. In other words, through such social interplay, subjects attempt to counteract the weaker features of their own social agency, such as their dependence on the opinions of others, their fear of subjugation and their desire to stand out in comparison to others, by resorting to such means as the public display of arrogance, force, and power (Anth, AA 07, p. 272; Kant, 2006, pp. 172-173).

However, its lack of any external objective point of view makes obvious the blatant imprudence and injustice that guides this *mania* for domination, which Kant does not recommend as appropriate conduct for gaining success in the social world (Anth, AA 07, p. 273 (§ 85); Kant, 2006, p. 173). Indeed, such behaviour exhibits an obsessive “fear of being dominated by others” (*ibid.*), which sparks the resistance of those who perceive in it a breach of their legitimate and innate claim to freedom as human beings. Such inclinations engender a childish urge to dominate and a tendency to reify others, which does not contribute to building a reasonable coexistence. In effect, the more the subject gains influence over the will of others, the more he is ruled by the passionate claims of his own inclination, i.e. the fear of being dominated himself, and thus the ‘dominant subject’ cannot really enjoy the results of his purportedly prudent and cunning behaviour. In any case, Kant argues that a subject is able to thwart this distorted conduct by sheer resolution, as he does not trace the inclination to dominate others to any structural injustice. Nor does he attribute the eagerness of some

ношениями экономического доминирования. Напротив, он подчеркивает, что ум индивида способен положить конец подобному поведению в межличностных отношениях⁸.

А. Хеллер рассматривает кантовский анализ трехкомпонентной *страсти* к манипулированию другими как предостережение, имеющее целью предотвращать нарушения в области человеческих потребностей, так как, согласно категорическому императиву, подчинение практического поведения безграничному увеличению объема количественно измеримых ресурсов неизбежно приводит субъекта к эгоистическому поведению, не опирающемуся на какие-либо нравственные установки (см.: Heller, 1985). Именно такое положение вещей капитализм поощрял на протяжении всего своего исторического развития. Постмарксистский теоретик Хеллер предполагает, что категорический императив сам по себе достаточен для предотвращения систематического овеществления человека, поскольку требует от субъекта отношения к любому человеку не только как к средству, но как к самостоятельной цели. Неутолимые желания, поощряемые капиталистической культурой, Хеллер противопоставляет качественно измеримым, базовым потребностям, лежащим в основе социально-репродуктивного труда. В частности, она выделяет потребность в сообществе, межличностных отношениях, осмысленном труде, досуге и личностном развитии. Особая ценность проведенного Хеллер анализа трехсоставной *страсти* заключается в том, что она признает за кантовской критикой социальной конкуренции возможность запустить процесс «революции повседневности», способной радикально преобразовать ценности и установки общества. Но даже признавая, что, согласно Канту, такими «основными потребностями» не стоит пренебрегать ради амбиций экономического толка, представляется сомнительным, что

⁸ Об экономических аспектах упомянутых страстей, понимаемых как патологии субъектности в условиях конкуренции, см.: (Brosch, 2024, S. 193 – 202).

subjects to control the lives of others to any dynamics of economic domination. He instead stresses that the individual mind is capable of putting a stop to this kind of interpersonal conduct.⁸

Agnes Heller (1985) views Kant's exposition of the threefold *mania* to manipulate others as an admonition to prevent disorders in the field of human needs, as according to the categorical imperative focusing one's practical conduct on the unbounded increase of quantitative resources would inevitably lead the subject to behave as an egoistic agent with no moral tenets, a situation that capitalism has indeed tended to promote throughout its historical development. Heller, a post-Marxist theorist, suggests that the categorical imperative itself would prohibit the systematic reification of human beings, as it demands that the subject treat any other human being as not only a means, but as an end in itself. In opposition to the unquenchable drives that the capitalist culture encourages, Heller spotlights needs that she labels as qualitative and radical, and which undergird the social reproduction of life. Among those she mentions are the needs for community, for human relationships, for sustainable work, for leisure, and for the development of personality. I refer briefly here to Heller's analysis of Kant's threefold *mania* as it acknowledges the potential of his criticism of social competition to unleash an 'everyday revolution', capable of deeply transforming the values and expectations of society. Yet, even if Kant holds that these 'basic needs'

⁸ On the economic features related to these manias, understood as pathologies of subjectivity exposed to competition, see Brosch (2024, pp. 193-202).

его антропологические работы могут отразить глубокую трансформацию ценностей и установок, определяющих социальную конкуренцию. Несмотря на особую симпатию автора к представленной Хеллер интерпретации кантовской критики социальных страстей, в следующих разделах основное внимание будет уделено ограничениям, накладываемым на признание и защиту республиканским государством социально-репродуктивного труда в качестве «всеобщего универсального права». При этом, согласно Канту, домашний труд — это некоторое множество действий и задач, находящихся в зоне ответственности женщин или домашней прислуги, которая замещает зажиточных женщин в выполнении подобной необходимой, но политически недооцененной работы.

В этом разделе была предпринята попытка определить, каким образом антропологические работы Канта могут пролить свет на распространенный феномен социального доминирования, уделяя преимущественное внимание склонности к манипуляции и овеществлению других, поощряемой капиталистическими обществами до стадии трансформации в *страсть*. Тем не менее Кант рассматривает это явление как индивидуальный недостаток практического толка, а не как проявление структурной несправедливости, что было бы более точным его определением в рамках современного подхода.

3. «Косвенное властвование» женщин: свидетельство знания света или социальная несправедливость второго уровня?

Кантовское описание общества создает картину, в которой стремление к чести, страх оказаться в подчиненном положении и жажда завидного финансового положения представляют угрозу для нравственного развития человека, хотя все эти практические патологии

should not be overlooked for the sake of economic ambition, I am quite sceptical about the capacity of his own anthropological writings to reflect a deep transformation of the values and expectations that frame social competition. Although I view Heller's reading of Kant's criticism of social passion with the greatest sympathy, I will focus in the next sections on the limitations of his reasoning for making social reproductive labour a 'universal basic right' to be recognised and guaranteed by a republican state. Instead, Kant's account of domestic labour sees it as a set of activities and tasks naturally assigned to women or to the domestic servants who then supersede wealthy women in such basic and politically undervalued work.

In this section I have aimed to point out the ways in which Kant's anthropological writings help to shed light on the widespread phenomenon of social domination, as they focus on the inclination to manipulate and reify others that a capitalist society promotes to the point of becoming a *mania*. Even so, Kant characterises this as a practical individual fault rather than a structural injustice, as a contemporary account might more properly claim.

3. 'Indirect Domination' by Women: Proof of Social Knowledge or a Second-Order Social Disorder?

Kant's description of society paints a picture in which eagerness for honour, fear of being subjugated by others, and ambition for economic power threaten a human being's moral development, although all of these practical pathologies might also appear as 'human all too human' tendencies, and thus as understandable

могут казаться «человеческими, слишком человеческими» наклонностями и восприниматься как прощительные слабости. Стоит отметить тот факт, что в данном контексте Кант четко указывает на существование «искусства властвовать косвенно», требованиям которого соответствуют только женщины из домохозяйств высшего класса⁹. Чтобы постичь суть искусства косвенного властвования над другими, необходимо отделить его от социального доминирования, которое зиждется на силе индивида, занимающего более высокое положение. Кант утверждает, что такое искусство «не сопровождается насилием», при этом женщина «умеет властвовать над своим верноподданным и держать его в оковах посредством его собственной склонности» (AA 07, S. 273 (§ 85); Кант, 2024а, с. 330–331). Таким образом, женщина властвует над своим мужем, прибегая к «преимуществу очарования», что подразумевает получение объектом властвования некоторого удовольствия. В схожих текстах Кант отмечает, что косвенное властвование — явление, обусловленное как гендером, так и социальным классом, в том смысле, что не каждый человек удовлетворяет условиям, необходимым для подобного доминирования. В любом случае более состоятельные светские женщины «властвуют» в домашнем пространстве, к которому они принадлежат, но которое не возглавляют, *косвенным* образом, то есть посредством возбуждаемого ими в мужчинах полового влечения¹⁰.

Согласно Канту, структурная несправедливость зачастую создает преимущества для уязвимого субъекта, как это и происходит в случае

⁹ Более подробный анализ этого аспекта кантовского антропологического подхода к «косвенному властвованию» будет представлен в четвертом разделе данной статьи.

¹⁰ Стоит отметить, что в кантовских рассуждениях женщина высшего класса приобретает правовой статус посредством замужества, и это положение вещей оживленно обсуждалось в его собственном интеллектуальном кругу. При этом Паско (Pascoe, 2018, p. 222–227) утверждает, что Кант настаивает на возможности улучшения гражданского положения женщин посредством замужества и делегирования домашнего труда.

frailties. It is worth highlighting the fact that, in this context, Kant accurately emphasises the existence of an “indirect art of domination”, the conditions for which are only met by women in privileged households.⁹ To grasp the meaning of this art of indirectly dominating others, it is necessary to distinguish it from social domination, which is based on the strength of the person occupying the higher position. Kant argues that a woman “does not employ force, but knows how to dominate and bind [her] subject through his own inclination” (*Anth*, AA 07, p. 273 (§ 85); Kant, 2006, p. 173). Thus, a woman indirectly dominates her husband through “the advantage of *charm*” and the attendant emotions she stirs within him, which presupposes that he experiences pleasure in being dominated. In similar texts, Kant stresses that such indirect domination is both a gendered and class-determined phenomenon, in that not all human beings meet the requirements for exerting it. In any case, the more affluent women of society exhibit that they ‘dominate’ the domestic space to which they belong; not head on, but *indirectly*, i.e. through the sexual attraction they incite in the male sex.¹⁰

Kant often sees structural injustices as involving advantages for vulnerable subjects, as in the case of women.¹¹ This has key conse-

⁹ A fuller account of this point on Kant’s anthropological approach to ‘indirect domination’ can be found in section 4 of this paper.

¹⁰ It is worth noting that in Kant’s account, privileged women also acquire a legal status through marriage, something which would spark lively discussions in his own intellectual circle. On this issue, see Pascoe (2018, pp. 222–227), who suggests that Kant attempts to promote the civil improvement of affluent women through marriage and the outsourcing of domestic labour.

¹¹ See, for instance, his remark that “the provision of nature put more art into the organisation of the female part than of the male” (*Anth*, AA 07, p. 303; Kant, 2006, p. 204 (‘The Character of the Sexes’)). Yet Kant does not examine how the ‘social knowledge’ of women is hinged on the adoption of ‘adaptive preferences’, a phenomenon which has historically characterised the social behaviour of subaltern subjects. The intertwinement of forms

женщин¹¹. Из этого и проистекают основные последствия домашнего «заточения» «прекрасного пола», как представляет их Кант в своем анализе, который, фокусируясь лишь на одном социальном классе, не дает заявленного объективного взгляда на ситуацию. Кант утверждает, что состоятельным женщинам свойственна *иллюзорная* форма властвования. Следовательно, в рамках кантовской социальной философии подобный вид субъектности не может быть рассмотрен в качестве следствия структурной несправедливости. Рассуждая в русле кантовской мысли, философы более поздних периодов, например М. Фуко, демонстрируют ту же гносеологическую слепоту в вопросах гендерного доминирования, что лежит в основе традиционного прочтения взаимодействия между полами. Подтверждением тому служит следующий отрывок из введения к французскому изданию «Антропологии в прагматическом отношении»:

...будучи жестокой формой взаимодействия, объективирующей женщину до предела, где ей может угрожать уничтожение, ревность представляет собой и признание ее ценности; напротив, именно отсутствие ревности низвело бы женщину до положения заменяемого товара. Право ревновать вплоть до убийства — это признание нравственной свободы женщины (Foucault, 2008, p. 26).

Цитата из Фуко приводится для того, чтобы подчеркнуть способность патриархального

¹¹ См., например, его замечание о том, что «предусмотрительность природы вложила больше искусства в организацию женской части, чем в организацию мужской» (АА 07, S. 303; Кант, 2024а, с. 361; курсив мой. — Н.С.-М.). Тем не менее Кант не рассматривает зависимость женского «знания света» от принятия «адаптивных предпочтений» — феномена, который исторически определял социальное поведение индивидов, занимающих более низкую позицию в иерархии. Связь между формами властвования и развитием прозорливости не затрагивается в кантовской антропологической и практической философии (см.: Khader, 2011; Hay, 2013). Автор выражает благодарность одному из рецензентов за привлечение внимания к этому обстоятельству.

quences for his account of the domestic 'lock-down' of the 'beautiful sex', which, by its focus on a particular social class, is hindered in delivering an allegedly objective portrayal. According to Kant, wealthy women display an *illusory* form of domination which, as mentioned above, prevents this agency from being viewed as an effect of a structural injustice in Kant's social philosophy. In the wake of Kant, later philosophers such as Michel Foucault have shown an astonishing epistemic blindness towards the gender domination that underpins a traditional reading of this interaction between the sexes, as in the following excerpt from the introduction to his French translation of Kant's *Anthropology from a Pragmatic Point of View*:

as [a] violent form of interaction which objectifies a woman to the point where she can simply be destroyed, [jealousy] is also a recognition of her value; indeed, only the absence of jealousy could reduce a woman to a piece of merchandise, where she would be interchangeable with any another. The right to be jealous — to the point of murder — is an acknowledgement of a woman's moral freedom (Foucault, 2008, p. 43).

I quote Foucault's account primarily to highlight how patriarchal domination can overshadow the social suffering it entails by means of the fantasies it projects onto its victims. Indeed, Foucault goes far beyond Kant's own stance, as he seems to assess the relationship between the sexes as a bond in which one of the agents — always the woman — is willing to put

of domination and the development of a sense of sagacity remains a much neglected blind spot in Kant's anthropological and practical philosophy, which might be illuminated with the help of interpreters such as Khader (2011) and Hay (2013). I am grateful to one of the reviewers of this paper for calling my attention to this point.

доминирования камуфлировать причиняемое им социальное страдание фантазиями, проецируемыми на его жертв. Фуко заходит гораздо дальше, чем Кант, рассматривая отношения между полами как связь, в котором один из субъектов (и это всегда женщина) готов рисковать своей жизнью. Кроме того, он утверждает, что подобный смертельный риск якобы указывает на «нравственную свободу женщины», в той мере в какой она воспринимается не как «заменяемый» товар, а как товар, «подлежащий завоеванию»¹². В такой интерпретации не находится места равноправным отношениям внутри домохозяйства. Один из его членов должен быть наделен властью, и во времена Канта естественным образом ожидалось, что это будет мужчина. Иначе брак пришлось бы переосмыслить как полноценный договор сторон, обладающих равными правами на удовлетворительный межполовой взаимообмен, не ставящий своей обязательной целью размножение¹³, что не могло быть популярной идеей во времена Канта, несмотря на приемлемость концепции союза, скрепленного взаимным расположением, в современной социальной культуре (Pascoe, 2018, p. 232–235). В этом контексте

¹² О взаимосвязи любви и ревности в кантовском анализе человеческих аффектов пишет Шумаг: «В “Антропологии” Кант отождествляет конец любовного страдания с концом самой любви. Таким образом он связывает наличие побуждений к ревности с самой сутью любви, подразумевая, что любовь как таковая предполагает чувство ревности. Абстрактно относясь к опасению или предчувствию потери внимания или взаимности любимого человека вследствие его увлечения кем-то или чем-то другим, ревность у Канта по сути своей имеет гендерную принадлежность, но в очень специфическом ключе. В первом приближении может показаться, что для Канта (как и Фуко) существует исключительно мужская ревность. <...> При этом не ревность как таковая, но право ревновать является прерогативой мужа. Мы уже отмечали парадоксальность этого права: ревность одновременно указывает на принижение женщины и невозможность низведения ее до положения утилитарного предмета» (Sumah, 2022, p. 78).

¹³ Действительно, Кант рассматривает брак как контракт в «Учении о праве» (AA 06, S. 277–278; Кант, 2014, с. 211). Представляется, что подобный контракт изобилует препятствиями для гражданской эмансипации женщин.

her life at risk. Moreover, he argues that such a deadly risk supposedly hints at a ‘woman’s moral freedom’, insofar as she refuses to be considered a mere ‘exchangeable’ object, and prefers instead to be viewed as a ‘conquerable’ one.¹² In such an account, there is no place for an equal relationship within the household; one of the partners must wield authority, and in Kant’s time this was naturally expected to be the man. Otherwise, marriage would be recast as a full-fledged contract between parties with an equal right to a reciprocal and satisfying sexual exchange independent from the aim of procreation;¹³ and this was not a promising idea in Kant’s day, even if it appears to be the accepted notion of affective union in contemporary social culture (Pascoe, 2018, pp. 232–235). Given such a context, it is not surprising that Foucault praises Kant’s capacity to attribute the agency left to confined subjects to sheer passivity, it being very probable that they engage in it to lure more socially powerful agents. In the eighteenth century, however, the ability to entice the male sex was not open to women of all social classes, as marriage was not viewed as

¹² On the link between love and jealousy in Kant’s account of human affects, see Suma (2022, p. 78): “In his *Anthropology*, Kant associates the end of pain of love with the end of love itself. He thus connects the presence of jealous impulses to the very essence of love, suggesting that love inherently involves feelings of jealousy. Though abstractly referring to the fear or apprehension of losing the affection or attention of a loved one to someone or something else, for Kant, jealousy is inherently gendered, but in a very specific way. On first approach, it may seem that, for Kant (and Foucault), there is no other jealousy except for masculine jealousy. [...] It is not jealousy as such that is reserved for the husband, but rather the right to be jealous. We’ve already pointed out the paradoxical status of this right: jealousy signals simultaneously the woman’s reduction and the impossibility of her reduction to a mere object of utility.”

¹³ It is a fact that Kant does address the marriage as a contract in his *Doctrine of Right* (MS RL, AA 06, pp. 277–278; Kant, 1996a, p. 62). My point is that such a contract involves many drawbacks for the civil emancipation of women.

не вызывает удивления, что Фуко восхваляет способность Канта относить ту малую субъектность, что остается у ограниченных в правах, на счет пассивности, подчеркивая высокую вероятность использования такой субъектности для соблазна социально доминирующих субъектов. В XVIII в. тем не менее обошление представителей мужского пола было доступно женщинам не всех социальных классов, так как решение о вступлении в брак не принималось по собственному усмотрению. Напротив, такой союз считался социальной и экономической инвестицией для обоих партнеров, что имело особое значение для буржуазных семей¹⁴. Данное обстоятельство сводит на нет универсальную ценность кантовских замечаний о перспективах описываемых им женщин.

Как я упомянула во введении, Варден предлагает интересную интерпретацию кантовского сексистского анализа социальной субъектности женщин (Varden, 2020, p. 90). В частности, она пишет, что Кант признает за женщинами «знание света», более прозорливое, чем то, что свойственно мужчинам¹⁵. Кроме того, внимание, проявляемое мужчиной к жене после заключения брака, будто бы созвучно с беспокойным стремлением жены «превзойти других женщин прелестями или пышностью» (AA 07, S. 307; Кант, 2024а, с. 366). Тем не менее представляется, что гендерно-детерминированные

a decision to be made at one's own discretion, but rather as a social and economic investment for both partners that was crucial for bourgeois families¹⁴ — a circumstance that hinders a universalisation of the value of Kant's remarks about the aspirational horizons of the women he describes.

As mentioned in the introduction, Varden (2020, p. 90) has suggested an inspiring interpretation of Kant's sexist account of women's social agency, noting that he assigns to women a 'social knowledge' which is shrewder than that of men.¹⁵ In this same vein, a man's attention to his wife after marriage would seem to harmonise with the wife's anxiety "to outdo other women in charm and fashionableness" (Anth, AA 07, p. 307; Kant, 2006, pp. 208-209). Yet in my view such a gendered allocation of social knowledge may be in tune with the effects of a structural patriarchal domination. In slightly different terms, women tend to show a thorough awareness that they are universally observed as a consequence of the domination they experience from the cradle to the grave. Moreover, Kant's remarks do not hide the supposition that any woman would yearn to live as a man, while "no man, however, would want to be a woman" (*ibid.*). Somehow, the Kantian de-

¹⁴ Во многих из своих романов Дж. Остин указывает на порочность современной ей этической рамки, увязывавшей любовь и брак с финансовыми вложениями. Подобная связь умножала источники страданий и мужчин, и женщин, в особенности последних, в которых Остин видела социальную группу, принуждаемую к заключению выгодной брачной сделки. См.: (Hume, 2013; Deyo, 2016).

¹⁵ Стоит отметить, что превосходящие способности в светской жизни, которые Кант признает за женщинами, связываются скорее с обладанием интеллектуальными произведениями, чем с реальным знакомством с ними. Таким образом, в свете лишь имитируется наличие некоторых способностей. См.: «Что касается ученых женщин, то их книги нужны им примерно так же, как их часы, а именно, чтобы носить их и чтобы все видели, что часы у них есть, хотя часы эти обыкновенно стоят или неверно показывают время» (AA 07, S. 307; Кант, 2024а, с. 366).

¹⁴ In many of her novels, Jane Austen held that the ethical framework of her time was wrong, as it tied love and marriage to economic investment, and such a bond snowballs the sources of unhappiness for men and especially for women, whom Austen viewed as a social set under the pressure of settling an advantageous marriage deal. On this issue, see Hume (2013), and Deyo (2016).

¹⁵ It is worth mentioning that the higher social abilities Kant attributes to women often prioritise the mere possession of intellectual products over a real acquaintance with them, which leads to the faking of some capacities as a means to appear in society as really possessing them. See Anth, AA 07, p. 307 (Kant, 2006, p. 209): "As concerns scholarly women: they use their *books* somewhat like their *watch*, that is, they carry one so that it will be seen that they have one; though it is usually not running or not set by the sun."

различия в знании света могут быть связаны с последствиями патриархального структурного доминирования. Иными словами, женщины, как правило, остро осознают, что находятся под пристальным наблюдением, существуя от колыбели до могилы в ситуации подчинения. Кроме того, в кантовских замечаниях явным образом предполагается, что любая женщина хотела бы жить как мужчина, в то время как «ни один мужчина не захочет быть женщиной» (Ibid.; Там же). Некоторым образом кантовское описание женского ума содержит в себе указание на неприемлемый социальный статус женщины, который не желал бы примерить на себя ни один мужчина. Исходя из этого можно утверждать, что в *предполагаемой взаимности* отношений между партнерами по домохозяйству, которое, согласно Канту, не является пространством равенства (это утверждение будет рассмотрено в следующем разделе), сокрыто *патриархальное гендерное угнетение*, так как ожидается, что женщина будет доминировать или властвовать исключительно благодаря сексуальной привлекательности, теряющей свою силу вскоре после дня бракосочетания¹⁶. Не отвергая идею Варден о «знании света», которое Кант приписывает женщинам в своем анализе гендера и пола, автор данной статьи считает целесообразным рассматривать женское властвование в качестве «нарушения второго уровня», то есть социальной патологии (Zurn, 2011), которая нередко пересекается с гносеологической несправедливостью (Fricker, 2007). Согласно известным описаниям нарушений второго уровня (Honneth, 1995; Zurn, 2011; Laitinen, 2015; Laitinen, Särkelä, 2019), данный

¹⁶ См. приведенный выше отрывок из Фуко. Кант также советует женщинам не выходить замуж за мужчин младше себя, поскольку они имеют большую половую способность (*Geschlechtvermögen*) (AA 07, S. 308–309; Кант, 2024а, с. 368), что исключает возможность ревности, которую женщина должна пробуждать в муже. Гиппель утверждает в своем труде «Об улучшении гражданского положения женщины», что любой человек должен рассматриваться лишь как средство достижения высших целей (Hippel, 1979, p. 159). См.: (Sabourin, 2021a, p. 163–167).

piction of the female mind suggests an undesirable social status that no man would be willing to accept.

In light of this, it might be affirmed that the *alleged reciprocity* of both partners in the household, which is not a space of equals in Kant's view (and I will return to this point in the next section) conceals a *patriarchal gender oppression*, as women are expected to dominate their men simply by dint of the sexual attraction they trigger, something which usually does not last very long after the wedding.¹⁶ Without at all rejecting Varden's claim of the 'social knowledge' that women possess in Kant's examination of gender and sex, I would rather suggest that female domination be explored as a 'second-order disorder', i.e. a social pathology (Zurn, 2011) often intertwined with situations of epistemic injustice (Fricker, 2007). According to a well-known account of such second-order disorders (Honneth, 1995; Zurn, 2011; Laitinen, 2015; Laitinen and Särkelä, 2019), this phenomenon points to a social pathology which, despite entailing obvious disadvantages for the subject, also generates a cognitive dissonance and a false consciousness that leads her not to see herself as a victim of social injustice and exclusion. In other words, the subject undergoing this sort of social pathology tragically cooperates in the perpetuation of her own subalternity, insofar as she obtains some symbolic and material (shelter, protection) reward

¹⁶ See Foucault's passage above. Kant also advises women not to marry younger men, as these would have more *sexual power* [*Geschlechtvermögen*] than they do (Anth, AA 07, pp. 308-309; Kant, 2006, p. 210), and this would ruin the jealousy that the woman is expected to arouse in her husband. Hippel claims in *On Improving the Status of Women* that no human being ought to be "considered merely as a means to higher goals" (Hippel, 1979, p. 159). See Sabourin (2021, pp. 163-167).

феномен указывает на социальную патологию, которая, хотя и имеет негативные последствия для субъекта, создает когнитивный диссонанс и ложное сознание, в результате чего женщина не воспринимает себя жертвой социальной несправедливости и социального исключения. Иными словами, субъект, переживающий подобную социальную патологию, трагическим образом вносит свой вклад в продление своего подчиненного положения, получая некое символическое и материальное поощрение (кров, защита) за принятие присвоенного ему пассивного гражданского статуса. Кроме того, под влиянием «нарушения второго уровня» ущемленный субъект приобретает некую вымышленную субъектность («иллюзорную» в терминологии Канта), позволяющую успешно взаимодействовать с обществом, недружелюбно настроенным к группе, к которой принадлежит субъект. Ниже будет предпринята попытка изложить данный тезис более подробно.

Представляется, что описание женщины в антропологических трудах Канта в значительной мере соответствует определению субъекта, поставленного в невыгодное гносеологическое и нравственное положение, поскольку женщина оказывается неспособна идентифицировать несправедливые структуры, побуждающие ее соглашаться с отношением к ней как имеющей более низкий статус. В обоих случаях субъект считает естественной ограниченную или косвенную субъектность, привязанную к пространству домашнего (объясняется это биологической предопределенностью или предполагаемым «характером женского пола»), и именно это положение вещей подталкивает женщин к тому, чтобы извлекать пользу из своей слабости¹⁷. Фрагменты текстов, в которых говорится о гендерно-детерминированном разграничении между *властованием*, приписываемым женщинам, и *управлением*, являющимся

from the acceptance of the passive civil status she is assigned. Moreover, under the influence of a 'second-order disorder', the damaged subject adopts a sort of fictional agency — 'illusory', in Kant's terms — which allows her to successfully interact in a society which is unfriendly towards the social set to which she belongs. I will attempt in what follows to cast further light on this claim. In my view, the depiction of women in Kant's anthropological writings corresponds well with the phenomenon of a subject suffering an epistemic and moral disadvantage, as the woman is incapable of realising that unfair structures bring about her own consent to being subordinated. In both cases, the subject assumes that it is natural — due to a biological destiny, or to the alleged "character of the female sex" — to have limited and indirect agency bound to the domestic sphere, and it is especially this which encourages women to find advantage in their weaknesses.¹⁷ Textual evidence of the gendered division between the *domination* that women exercise and the *rule* that only men can exert also suggests a gendered division in the mental faculties themselves, an idea which Kant fully adopts: "Who, then, should have supreme command in the household? — for there certainly can be only one who coordinates all business in accordance with one end, which is his. I would say, in the language of gallantry (though not without truth): the woman should *dominate* and the man should *govern*; for inclination dominates, and understanding governs" (*Anth*, AA 07,

¹⁷ Стоит отметить, что, согласно Канту, возможность косвенного властвования определяется свойствами гендера. Например, в социальном пространстве скромный рабочий не имеет средств к навязыванию своей воли более могущественному субъекту, своему работодателю.

¹⁷ It is worth mentioning that Kant's account of indirect domination depends on features of gender, as a humble male worker would not possess the means to impose his will over a more powerful subject — his employer, for instance — in the social realm.

ся прерогативой мужчин, также предполагают и основанное на гендере разграничение между умственными способностями. Кант всецело принимает эту точку зрения: «Кому же в таком случае должно принадлежать в доме верховное командование? Ведь только один человек может привести все дела в нем в согласующуюся с целями дома взаимную связь. — На языке галлантности (и все же не вовсе удаляясь от истины) я сказал бы: женщина должна *властвовать*, а мужчина — *править*, ибо склонность властвует, а рассудок правит» (AA 07, S. 309–310; Кант, 2024a, с. 368–369)¹⁸. Как показывают подобные отрывки, Кант рассматривает жен высшего класса через призму «иллюзии», побуждающей их к «властвованию» над своими мужьями посредством сексуальной привлекательности. В рамках эмпирического психологического анализа это обстоятельство уравнивает молчаливое подавление, в условиях которого эти женщины живут изо дня в день¹⁹.

¹⁸ Этот отрывок можно сопоставить с фрагментами из кантовских «Лекций по антропологии», в которых подчеркивается зависимость способностей властвовать и править от гендера. См.: «Во властвовании остается место настроению, которым нет места при рассудке. Мужчина устанавливает домашние законы, посредством которых он должен тем не менее устроить все таким образом, чтобы женщина всегда сохраняла авторитет (Ansehen) властвования. Тем же образом большинство государей властвуют, но министры правят» (AA 25, S. 1193). Также см.: «Властвование дома — дело жены, но управление — дело мужа. Властвование может происходить сообразно настроению, но управление — сообразно законам. <...> Женщина скорее может править целым государством, чем домом, ибо в стране она не правит, а лишь властвует, в то время как министры правят. Но если в доме нет никого, кто правит, то в одиночку она не может управлять домашним хозяйством. Женщина властвует над мужчиной, но мужчина управляет женщиной, так как склонность властвует, а рассудок правит. Склонность указывает цели, а рассудок сводит их к цели, сообразующейся с благополучием. Рассудок направляет и судит сообразно своим правилам» (AA 25, S. 717–718).

¹⁹ «Иллюзия» играет ключевую роль в общении между полами, согласно воззрениям Канта на пол и гендер, поскольку, с одной стороны, мужчина видит в женщине субъектность, которой та на самом деле не обладает, а лишь оттачивает свое поведение таким образом, чтобы оно приносило плоды в патриархальном обществе. С другой же стороны, хотя женщины чувствуют себя свободными и способными ставить перед собой собственные цели, в реальности они лишь принимают нормы, позволяющие им возвыситься в

pp. 309–310; Kant, 2006, p. 211).¹⁸ As passages like this confirm, Kant views affluent wives in terms of an ‘illusion’ that inclines them to ‘dominate’ their husbands through sexual attraction, a fact which, in this empirical psychological analysis, works to counterbalance the silenced oppression they live with daily.¹⁹ Yet by such an account, Kant relegates women to fulfilling, at best, an ornamental role in the

¹⁸ This passage could be compared to passages from Kant’s *Lectures on Anthropology*, which emphasise this gendered distribution of the capacity to dominate and to rule. See *V-Anth/Mensch*, AA 25, p. 1193 (Kant, 2012b, p. 325): “Domination permits moods, which however do not occur with understanding. Man prescribes the domestic laws, whereby he however must always arrange everything so that woman retains the appearance of domination. Thus, most princes dominate, but the ministers govern,” and *V-Anth/Fried*, AA 25, pp. 717–718 (Kant, 2012a, pp. 246–247): “Domination in the home is the wife’s affair, but the rule [is] the man’s [affair]. Domination can occur in accordance with mood, but rule in accordance with law. [...] A woman can sooner rule an entire kingdom than a household, for in the land she does not rule, but only dominates, and the ministers rule. But if there is no one in the household who rules, then she cannot rule the household alone. The woman dominates the man, but the man rules the woman, for inclination dominates and the understanding rules. Inclination provides the purposes, but the understanding restricts them to the purpose which agrees with the well-being [of the household]; it directs and judges it according to its rules.”

¹⁹ ‘Illusion’ fulfils a key role in the communication between the sexes in Kant’s account of sex and gender, as on the one hand men consider women to have an agential capacity that in reality they do not possess; rather, they simply adapt their conduct so as to reap the best fruits within a patriarchal society. On the other hand, although women feel they are free to set goals of their own, they in fact only adopt the norms that will make them rise in the estimation of others. See footnote 10 of this paper on the ‘adaptive preferences’ of women. I am indebted to one of the reviewers of this paper for suggesting that I stress the functionality of ‘appearance’ in gender interaction in Kant’s anthropological and practical philosophy.

Таким образом Кант оставляет за женщинами роль не более чем украшения домашнего пространства, потенциально уравнивающую доминирование (не косвенное и перформативное, но действенное и не подлежащее обсуждению), которое они испытывают на себе в пределах домохозяйства, а следовательно, и в публичном пространстве, где они не считаются активными гражданами. Неудивительно и следующее утверждение Канта: «женщину брак освобождает; мужчина теряет в браке свою свободу» (AA 07, S. 309; Кант, 2024а, с. 368), так как первая обретает кров и защиту от внешней агрессии, в то время как последний отказывается от права на свободную половую жизнь, которым общество наделяет мужчин и в котором отказывает женщинам. В следующих разделах данной статьи будут рассмотрены некоторые классовые различия, лежащие в основе кантовского анализа предполагаемого несовершеннолетия женщин, поскольку возлагаемые им надежды не могут быть перенесены на женщин рабочего класса, страдающих от притеснений на рабочих местах. Понимание под «женщинами» исключительно белых европейских женщин — еще одно слепое пятно в кантовской рефлексии по поводу характера, приписываемого женскому полу²⁰.

4. Кант о репродуктивном бремени: путь к эмансипации женщин или закрепление социальной эксплуатации?

Гендерно-детерминированный подход к домашнему пространству, обозначенный в антропологии Канта, не смягчается в его фи-

глазах других. См. примеч. 10 к данной статье, где говорится об «адаптивных предпочтениях» женщин. Автор выражает благодарность одному из рецензентов, предложившему подчеркнуть функциональность «кажимости» в гендерном взаимодействии в том виде, в котором она предстает в антропологической и практической философии Канта.

²⁰ Тем самым автор продолжает обсуждение «слепых пятен» в кантовском понимании Просвещения, начатое Ш. Сабурэн (Sabourin, 2021b, p. 237–238, 255) и Д. Хусейнзадеган (Huseyinzadegan, 2018, p. 1–2).

domestic space, which may serve to offset the domination — not indirect and performative, but effective and non-negotiable — that they suffer within the household and consequently in a public sphere that does not acknowledge them as active citizens. It does not therefore seem odd for Kant to affirm that “[w]oman becomes free by marriage; man loses his freedom by it” (*Anth*, AA 07, p. 309; Kant, 2006, p. 211), as the former obtains shelter and protection against external aggressions, while the latter renounces the sexual license that society allows to him, but prohibits to women. In the next sections of this paper, I will focus on some of the class traits that underpin Kant’s account of the alleged immaturity of women, as the horizon of expectations he describes could not equally be projected onto working-class women oppressed by abusive workplaces. Such a view — that the term ‘women’ refers exclusively to white European women — remains another blind spot in Kant’s reflections on the character of the female sex.²⁰

4. Kant on Reproductive Burdens: An Emancipatory Path for Women or the Perpetuation of Social Exploitation?

The gendered account of the domestic space in Kant’s anthropology is not rectified by his legal philosophy. On the contrary, the relegation of women to passive citizenship seems to hinge on the assumption of their civil immaturity, as human beings who always

²⁰ In this, I continue the project of bringing to awareness the ‘blind spots’ in Kant’s notion of the Enlightenment, as also pursued by Sabourin (2021, pp. 237–238, 255) and Huseyinzadegan (2018, p. 1–2).

лософии права. Напротив, очевидно, что низведение женщин до состояния пассивных граждан зиждется на предположении об их гражданском несовершеннолетии, объясняемом их постоянной потребностью в опекуне, то есть муже²¹. Согласно сексистской логике, изложенной в третьей части данной статьи, Кант связывает несовершеннолетие в осуществлении общественных транзакций и деловых операций с той властью, которую женщина имеет в домашнем пространстве и которую он обозначает как «право слабейшего» (AA 07, S. 209 (§ 48); Кант, 2024а, с. 259), подлежащее уважению и защите со стороны мужского пола²². Но «домашняя власть» женщин в этой трактовке управления домохозяйством приводит к тому, что к ним относятся со снисхождением, а Кант называет их «более чем совершеннолетними» (*übermündig*) в отношении общения, считая их особенно разговорчивыми человеческими особями. Действительно, язык эссе «Что такое просвещение?» будто бы пародирует якобы неконтролируемую речь женщин, служа еще одним примером патриархального доминирования, сводящего на нет их желание стать видимыми в публичной сфере. Кант признает, что же-

²¹ Только в том случае, если женщина сохраняет за собой после заключения брака свое имущество, ее может представлять наставник, отличный от ее мужа, что указывает на тот факт, что Кант ориентируется в своих антропологических заметках не только на социальные обычаи, но и на правовые нормы своего времени, см.: (AA 07, S. 209 (§ 48); Кант, 2024а, с. 259).

²² См. расходящийся с этим выводом анализ домашнего заточения женщин, предложенный Гиппелем: «В то время как рассудок и способность суждения начали развиваться в мужчине благодаря общирности его сферы влияния и пока его сношения с буржуазным обществом приобретали всё более возвышенную форму посредством обобщения данных понятий, душа женщины ужималась до размеров ее домохозяйства» (Hippel, 1979, p. 92). О структурных изменениях, предлагаемых Гиппелем в его эссе для улучшения положения женщин, пишет Сабурэн: «Так как жизнь женщины ограничена пределами домохозяйства и они обладают более чем скромными возможностями участия в общественной жизни, возможностей развивать разум у них также меньше, чем у мужчин» (Sabourin, 2021a, p. 174). Сабурэн отмечает, что, по Гиппелю, женщины выиграют от наличия женщин-врачей, женщин-судей и женщин-преподавателей, которые пробудят в них большее уважение к соответствующим институтам.

require a guardian, i.e. their husbands.²¹ According to the sexist logic I touched upon in section three, Kant links this immaturity for managing public transactions and business to the power that women achieve in the domestic space, a power that he labels “the *right of the weaker*” (Anth, AA 07, p. 209 (§ 48); Kant, 2006, p. 103), which the male sex should respect and protect.²² Yet their ‘domestic power’ in this account of household administration causes women to be treated with condescension, as well as leads Kant to declare them ‘over-mature’ [*übermündig*] as speakers, i.e. as especially talkative human beings. Indeed, the language of “What is Enlightenment?” is phrased so as to mock the allegedly uncontrolled speech of women, in another example of the patriarchal domination that thwarts their desire for visibility in the public sphere. Kant acknowledges that this frustrated desire, brought about by their confinement in the home, does in fact carry unwanted consequences, as such a lifestyle does not allow a full-fledged development of humanity in women. Furthermore, the sections of *Anthro-*

²¹ Only in the case that a woman maintains her possessions after the marriage can she be represented by a guardian other than her husband, which reveals that Kant takes not only social habits into account in his anthropological remarks, but also the legal norms of his time. See Anth, AA 07, p. 209 (§ 48) (Kant, 2006, p. 103).

²² See a divergent analysis of the domestic confinement of women in Hippel (1979, p. 92): “[W]hile understanding and the powers of judgment in the man began to increase through his enlarged sphere of influence, while his dealings with bourgeois society took on a higher form through the generalisation of his concepts, the soul of the woman shrank more and more into the limits of her household.” On the structural changes that Hippel endorses in his essay in favour of women, see Sabourin (2021, p. 174): “Since women are confined to the household and have only very limited opportunities to take part in public life, they have many fewer opportunities than men to develop their reason”. Sabourin also points out that Hippel valued the benefits that women would enjoy from having female doctors, judges, and instructors, which would inspire them to have more confidence in institutions.

ление, неудовлетворенное по причине ограниченности домашним кругом, в самом деле имеет печальные последствия, так как подобный образ жизни препятствует полноценному развитию в женщине человеческих качеств. Более того, разделы «Антропологии...», посвященные последствиям подобного пренебрежения способностью познания, содержат намеки на насилие, лежащее в основе гендерно-детерминированного распределения возможностей в домашнем пространстве. Быть может, наиболее примечателен в этой связи отрывок, повествующий о находящемся в плачевном положении муже, сталкивающимся с чрезвычайными домашними ситуациями, такими как пожар.

Представляется целесообразным уделить внимание этому фрагменту, поскольку он косвенно демонстрирует то, как Кант объясняет естественным положением вещей женскую ответственность за управление домашними делами: «Ученые обыкновенно охотно позволяют, чтобы их жены держали их в несовершеннолетии в отношении домашних распоряжений. Один погребенный среди своих книг ученый на крики слуги о том, что в одной из комнат пожар, ответил: “Вы знаете, что такого рода вещи относятся к ведению моей жены”» (AA 07, S. 210 (§ 48); Кант, 2024а, с. 260). В этом случае позиция мужчины-ученого значима: он устанавливает непреодолимый гендерный барьер между интеллектуальным и прагматическим трудом, так как мужчина, погрузившийся в исследования в своей библиотеке, ни в кой мере не должен быть озабочен общими базовыми нуждами домохозяйства, как это свойственно женщинам, что относится и к сохранности материальной инфраструктуры²³. Представляется, что дан-

²³ Сабурэн дает следующую интерпретацию данного текста: «Ученый, неспособный справиться с пожаром в своем доме и обращающийся по подобным поводам к жене, в некотором роде несовершеннолетний, что не делает его тем не менее несовершеннолетним во всех иных отношениях. Вероятно, можно утверждать, что это не та форма несовершеннолетия, преодолевать которую, согласно Канту, следует посредством просвещения. Представим себе жену такого ученого. Мы можем предположить, что она является совершеннолетней как минимум в одном отношении: она может справиться с потенциально угрожающими жизни

pology that focus on the effects of the cognitive faculty neglected in this way contain various hints of the violence that underpins the gendered distribution of capacities in the domestic space. Perhaps the most striking passage depicts overwhelmed husbands faced with domestic accidents such as fires. I suggest that some attention be paid to this excerpt, as it shows indirectly how Kant naturalises the assignment to women of the management of domestic issues: “Scholars usually are glad to allow themselves to be kept in immaturity by their wives with regard to domestic arrangements. A scholar, buried in his books, answered the screams of a servant that there was a fire in one of the rooms: ‘You know, things of that sort are my wife’s affair’” (*Anth*, AA 07, p. 210 (§ 48); Kant, 2006, p. 104). The role of the male scholar in this text is quite meaningful, as it establishes an unyielding gendered border between intellectual and pragmatic labour: a man devoted to study in his own library would not to any extent be as concerned as women are with the basic, common needs of the household, including the safety of its material structures.²³ In my view, this remark deserves a special mention as it plainly shows the dependence that a man is recognised to have on a woman with regard to

²³ On the interpretation of this text, see Sabourin (2021, pp. 245-246): “The scholar who is unable to cope with his house being on fire and turns to his wife for such domestic affairs is thus immature in a certain way — which does not mean that he is immature in all respects. We can probably safely affirm that this is not the kind of immaturity Kant is expecting people to escape through Enlightenment. Indeed, let us imagine the wife of this scholar. We can assume that she is mature in at least one way: that of managing potentially life-threatening domestic situations — which is certainly not the worst skill to have.” On the different sorts of immaturity mentioned by Kant, see *V-Anth-Mron*, AA 25, pp. 1427-1428 (Kant, 2012c, p. 508).

ное замечание заслуживает внимания именно потому, что оно явным образом показывает, насколько мужчина, по общему мнению, зависим от женщины во всем, касающемся ведения домашнего хозяйства. И зависимость эта так велика, что мужчина ставит под угрозу свое домохозяйство исключительно из нежелания погружаться в домашние дела²⁴. Ученый, о котором пишет Кант, не только полагается на субъектность своей жены в данном аспекте, но и утверждает свое право оставаться погруженным в свой «интеллектуальный труд» невзирая ни на какие бытовые проблемы.

Этот отрывок свидетельствует в пользу представления Канта об интеллектуальном труде как о более достойном занятии, чем работа по уходу за близкими и домом, делающая последний приятным и пригодным к проживанию местом. Более того, именно от женщины ожидается выполнение подобной работы, даже если домашний труд не получает никакого гражданского признания. Действительно, совершеннолетие женщины в том, что касается потенциальных чрезвычайных ситуаций в домохозяйстве, противопоставляется несовершеннолетию мужчины, неспособного разумно отреагировать на такие ситуации и справиться с ними. Кантовское представление о публичной сфере тем не менее не включает совершеннолетие в вопросах ухода за близкими и домом в определение идеального образа активного гражданина. Эта антропологическая прелюдия может лечь в основу анализа репродуктивного бремени с точки зрения кантовской философии права.

домашними ситуациями, что далеко не худший на-
вык» (Sabourin, 2021b, p. 245–246). О других видах не-
совершеннолетия, выделяемых Кантом, см.: (AA 25,
S. 1427–1428).

²⁴ Как отмечает Паско, в таких фрагментах Кант игно-
рирует тот факт, что зависимость главы домохозяйства
от выполнения женой домашней работы подтверждает
наличие у активных граждан пассивных черт, что
могло бы радикально изменить воззрения Канта на
гражданство: «Хотя Кант намекает на “несовершен-
нолетие” домовладельца в том, что касается домаш-
них дел, необходимость как в подобном труде, так и в
соответствующем использовании разума не считается
формой зависимости в рамках кантовской концепции
гражданства. Напротив, данные обстоятельства являют-
ся доказательством и условием возможности неза-
висимости» (Pascoe, 2022, p. 17).

domestic management, to the extent of putting the household at risk though the sheer determination not to share in domestic tasks.²⁴ The scholar Kant refers to not only trusts the agency of his wife in such cases, but claims that it is his right not to be bothered in his ‘intellectual labour’ by the common issues of daily life. Such an excerpt confirms that Kant views intellectual activity as a higher task than the caregiving work which is aimed at making the home a pleasant and habitable place. Moreover, it is women who are intended to fulfil the latter role, even if such domestic labour does not receive any kind of civil recognition. Indeed, female maturity in dealing with potential domestic accidents is contrasted with the immaturity of the male in reacting to and coping with them prudently. Kant’s notion of the public sphere, however, does not take into account such maturity in caregiving matters when defining the ideal image of the active citizen. This anthropological prelude may provide the basis for an account of reproductive burdens from the standpoint of Kant’s legal philosophy.

Kant’s anthropological writings mirror the gendered, patriarchal patterns that structured eighteenth-century bourgeois society. It is a fact that such patterns often stemmed from legal frameworks that, for instance, defined the

²⁴ As Pascoe highlights, it is worth noting that in such passages Kant does not consider whether the dependence of the head of the household on the domestic management provided by his wife confirms some key passive traits of active citizens, a view that might have radically changed Kant’s account of citizenship. See Pascoe (2022, p. 17): “While Kant nods to the ‘immaturity’ of the householder in domestic matters, his reliance on both this labour and its attendant use of reason is not mapped as a form of dependence in Kant’s conception of citizenship; rather, it is proof of and the condition for the possibility of his independence.”

Антропологические работы Канта отражают гендерно-детерминированные, патриархальные паттерны, структурировавшие буржуазное общество XVIII в. Очевидно, что эти паттерны зачастую проистекали из правовой рамки, определявшей домохозяйство среднего класса как «сообщество неравных» (AA 06, S. 283 (§30); Кант, 2014, с. 227)²⁵, в котором только единственный кормилец может *править* и *управлять* своей женой, детьми и слугами²⁶, в то время как жене позволено *властвовать* в том, что касается домашней работы и ведения домашнего хозяйства. Тем не менее партнеры должны пройти через заключение брака, являющегося «отношением *равенства* владения» (AA 06, S. 278 (§ 26); Кант, 2014, с. 215) в том, что касается половой жизни²⁷. Следовательно, данные антропологические описания общественной жизни и теории права находятся в тесном взаимодействии, и существующая между ними связь проявляется в кантовском обосновании гендерного неравенства: он подчеркивает, что домохозяйство подразумевает единство ключевых целей его членов, что влечет за собой подчинение жены, детей и слуг его главе²⁸. Некоторые его наблюдения о легитимации такого подчинения кажутся случайными, как, например, приводимое в «Характере пола» и пред-

²⁵ Кант выражает свои опасения по поводу употребления термина *societas inaequalis* в «Заметках к “Учению о праве”», видя в нем явное противоречие. Тем не менее бремя ведения домашнего хозяйства действительно вносит свой вклад в легитимацию подчинения слуги главе домохозяйства. См.: (AA 20, S. 467).

²⁶ Стоит отметить, что во времена Канта существовали не только семьи с одним кормильцем. Например, семьи, состоявшие из зависимых работников (Sarti, 2023, p. 118–123; Sánchez Madrid, 2025a), выживали за счет двух и более кормильцев, среди которых были и жена, и дети. Учет данного исторического факта мог бы существенно изменить подход Канта к семье как социальному и экономическому субъекту.

²⁷ Автор видит в кантовской юридической теории брака ключевую черту «законного государства» Паско (Pascoe, 2018, p. 222–227).

²⁸ Хотя Кант понимает гражданский союз как подчинение граждан правителю, власть которого не подлежит оспариванию, в случае публичного права такое подчинение делает граждан — по крайней мере, активных граждан — равными с точки зрения правителя. Иначе обстоит дело с неравенством членов домохозяйства: предполагается, что лишь сыновья главы дома (но не его жена, дочери или слуги) могут достичь полного гражданского совершеннолетия.

middle-class household as “a society of unequals” (MS RL, AA 06, p. 283 (§30); Kant, 1996a, p. 66),²⁵ in which only the single-earner breadwinner may *rule* and *govern* his wife, children, and servants,²⁶ while the wife is allowed to *dominate* the domestic service and the domestic economy. Nevertheless, the partners should have, through marriage, “a relation of *equality* of possession” (MS RL, AA 06, p. 278 (§ 26); Kant, 1996a, p. 63) in terms of sexual exchange.²⁷ Thus, the interaction between these anthropological descriptions of social life and legal theory is quite intense, with these links appearing when Kant justifies gender inequality by highlighting that a ‘household’ implies that its members share essential ends, which in turn entails the subordination of all of its members — wife, children, and servants — to its head.²⁸ Some of his observations on the legitimation of this subordination seem quite

²⁵ Kant states his misgivings with regard to the expression *societas inaequalis* in the “Notes in Response to Bouterwek’s Review of the *Doctrine of Right*”, as it involves in his view a plain contradiction. Yet the burden stemming from the task of maintaining the household helps to legitimate the subordination of the servant to the head of the household. See RL/*Bemerkungen*, AA 20, p. 467 (Kant, 2016, p. 353).

²⁶ It is worth pointing out that single-earner families do not cover all of the models of family that existed in Kant’s time. For instance, families composed of dependent workers (Sarti, 2023, pp. 118–123; Sánchez Madrid, 2025a) would require the support of two earners or more, including the wife and the children — a historical phenomenon the acknowledgment of which would have substantially changed Kant’s approach to the social and economic actor that the family represents.

²⁷ I view Kant’s legal theory of marriage as a key feature of Pascoe’s ‘lawful state’ (Pascoe, 2018, pp. 222–227).

²⁸ Although Kant understands civil union as the *subordination* of citizens to the unopposable ruler of the state, in the case of public right, such a subordination transforms the citizens — at least the active ones — into equal subjects from the ruler’s point of view, which is not aligned with the inequality of the members of the household, where only the sons of the head of the house — and not his wife, daughters or servants — are expected to attain a full civil maturity.

ставляющее равенство в домашнем пространстве источником ссор²⁹. Причины подобных воззрений можно найти в третьем разделе теории частного права в «Учении о праве», где Кант предлагает новеллу, включение которой в теорию права будет способствовать защите статуса членов домохозяйства.

Таким образом, в рамках «вещно-личного права», основанного для обоих полов на принципе взаимности, возможно обладать человеком как *вещью*, используя его исключительно как *лицо* (AA 06, S. 276 (§ 22); Кант, 2014, с. 209)³⁰. Но это не относится к преступникам, лишившимся своей личности и ставшим «холопами» (AA 06, S. 358; Кант, 2014, с. 435). В этих фрагментах из «Учения о праве» проводится мысль о том, что «естественное превосходство» мужчины над женщиной, утверждаемое в кантовском анализе юридического союза, воплощенного в домохозяйстве, зависит от его «способности... в содействии общим интересам домашнего быта» (AA 06, S. 279 (§ 26); Кант, 2014, с. 217). Подобный подход к равенству партнеров говорит о телеологическом взгляде на домашнее единство в соответствии с классическим аристотелевским определением, данным в «Политике»: общие интересы домохозяйства не складываются под влиянием усилий отдельных его членов, но задаются посредством превосходящей интеллектуальной добродетели его главы. Важно держать в уме это телеологическое (а не формальное) определение брака и домохозяйства, так как оно в значительной мере формирует восприятие труда по поддержанию и производству домохозяйства.

В то время как Кант видит в домохозяйстве объясняемое естественным положением вещей социальное явление, легитимирующее гендерное доминирование, очевидно, что

arbitrary, like one from “The Character of the Sexes” that depicts equality in the domestic space as a source of quarrelling.²⁹ The reasons for such a point of view can be found in section III of the “Theory of Private Right” in the *Doctrine of Right*, where Kant suggests an innovation, to be inserted in his legal theory, to better protect the status of the human beings that make up the household.

Thus, the “right to persons akin to rights to things” is intended to make it possible to possess a human being as a *thing*, while using her or him — as such a right is seen as reciprocal for both sexes — only as a *person* (MS RL, AA 06, p. 276 (§ 22); Kant, 1996a, p. 61).³⁰ This excludes criminals who have forfeited their personalities and could rightfully become bondsmen (MS RL, AA 06, p. 358; Kant, 1996a, pp. 126-127). These paragraphs from the *Doctrine of Right* underscore the idea that the “natural superiority of the husband” in Kant’s account of the legal unity embodied by the household depends on “his capacity to promote the common interest of the household” (MS RL, AA 06, p. 279 (§ 26); Kant, 1996a, p. 63). Such an approach to the equality of its partners discloses a teleological account of domestic unity, following the classical Aristotelian definition of this in the *Politics*, as the common interest of the household is not understood to be constructed by the efforts of its respective members, but by the superior intellectual virtue of the head. It is important to keep in mind this teleological — and not formal — definition of marriage and the household, as it would have a deep impact on the

²⁹ «Ибо при равенстве притязаний двоих людей, не могущих обойтись друг без друга, себялюбие породит одни только ссоры» (AA 07, S. 303; Кант, 2024а, с. 361).

³⁰ Кант выражает сомнения в том, что такое новое правовое явление может стать *stella mirabilis* («удивительной звездой»), указывая, что данное предложение подлежит дальнейшей оценке другими учеными (AA 06, S. 358; Кант, 2014, с. 435).

²⁹ “[I]n the equality of claims of two people who cannot do without each other, self-love produces nothing but squabbling” (Anth, AA 07, p. 303; Kant, 2006, p. 204).

³⁰ Kant expresses his doubts about whether such a new legal phenomenon may be a *stella mirabilis* (a “shooting star”), suggesting that this proposal be open to the assessment of other scholars (MS RL, AA 06, p. 358; Kant, 1996a, p. 127).

он уделяет преимущественное внимание доступной женщинам высшего класса привилегии делегировать бремя репродуктивного труда. Кант подчеркивает значение цивилизационного прогресса в повышении комфорта для женщин, подразумевая, что кочевые и нецивилизованные народы относятся к женщине как к «домашнему животному» (AA 07, S. 304; Кант, 2024а, с. 362), выполняющему тяжелую работу по поддержанию в должном состоянии «домашней утвари» (Ibid.; Там же). На фоне подобного обращения с женщинами в «нецивилизованных» обществах, образ жизни которых мог быть не столь отличен от обыденности рабочих классов, Кант открыто одобряет прогрессивное освобождение женщин высшего класса от оков ухода за близкими и домом. Но подобная эмансипация требует того, чтобы домашние слуги обоих полов (среди которых могли быть не только белые, но и дискриминируемые по признаку расы субъекты) трудились в интересах состоятельной женщины, заменяя собой традиционную женскую рабочую силу³¹.

Стоит отметить, что домашний труд способствует укреплению «косвенного властвования», которому был посвящен третий раздел, поскольку женщины высшего класса делегируют свой якобы естественный репродуктивный труд, чтобы посвятить себя поддержанию в должном состоянии имущества домохозяйства, для чего, согласно Канту, они являются в должной мере совершеннолетними. Но такое иллюзорное «властвование» предполагает, что кто-то другой в домохозяйстве берет на себя ответственность за домашнюю работу, требующую от слуги круглосуточно быть наготове, так как подобный труд не может быть ограничен конкретными часами, как это делается в случае *locatio conductio operae*, требующего оказания определенной услуги нанимателю

³¹ В «Заметках к “Учению о праве”» Кант называет женщин естественными исполнителями домашнего труда, необходимого для поддержания хозяйства, если только женщина не имеет состоятельного мужа и, следовательно, «может использовать для этого других» (AA 20, S. 465) и не «утруждать себя вопросами благополучия домохозяйства» (Ibid.).

sort of labour associated with guaranteeing its maintenance and reproduction.

While Kant views the household as a naturalised social phenomenon that legitimates gender domination, it is clear that he often focuses on the privileges within the reach of advantaged women for relieving the burden of reproductive tasks. He emphasises the role of civilisational progress in improving the comfort of women, assuming that nomadic, barbaric peoples treated “the woman as a domestic animal” (*Anth*, AA 07, p. 304; Kant, 2006, p. 205), encumbered with exacting chores in order to maintain the “household belongings” (*ibid.*). In contrast to the treatment of women in such ‘uncivilised’ societies, which could well include the usual lifestyles of the working classes, Kant openly commends the progressive liberation of well-off women from the shackles of caregiving and other domestic tasks. Yet, for this emancipation to occur, he assumes that domestic servants of both sexes – and probably not only white, but racialised subjects – should toil on behalf of affluent women to replace the traditional female workforce.³¹

It is worth noting that domestic labour undergirds the “indirect domination” I discussed in section three, as affluent women rely on the outsourcing of their allegedly natural reproductive tasks so as to dedicate themselves to the management of the household patrimony, which Kant considers them mature enough to administrate. Yet, such a fictional ‘domination’ presupposes that someone else is charged

³¹ Kant’s “Notes in Response to Bouterwek’s Review of the *Doctrine of Right*” claim that women are the natural providers of the domestic labour required to maintain the household, unless the woman has a wealthy husband and thus “can make use of others for this purpose” (*RI/Bemerkungen*, AA 20, p. 465; Kant, 2016, p. 352) and not be “troubled to assist with matters of domestic well-being” (*ibid.*).

(AA 06, S. 360–361; Кант, 2014, с. 441). Согласно Канту, по сравнению с зависимыми работниками домашние слуги в большей степени уязвимы перед типичными злоупотреблениями. Тем не менее от него ускользает, что тяжесть домашней работы преимущественно является результатом того обстоятельства, что выполняющие ее работники берут на себя бесконечный изнуряющий труд, обычно лежащий на женщине³². То есть Кант не указывает на структурную несправедливость делегирования основного репродуктивного труда более уязвимым группам, в результате чего его теория справедливости изобилует слепыми пятнами. Здесь важно отметить, что абсолютная ценность, приписываемая «благополучию домашнего быта», порождает в кантовской практической философии паттерны структурной несправедливости. Прежде всего такое благополучие требует широкого применения человеческого труда и материальных средств. Кроме того, домашний труд воплощает собой неравенство между работодателем и наемным работником, распространяющееся и на другие формы труда. Представляется важным обратить внимание на данное соображение, так как неравенство полов, царящее, согласно Канту, в домохозяйствах, успешно проникает на многие рабочие места, заставляя сотрудников жертвовать своими частными жизнями и здоровьем ради повышения производительности наняв-

with the domestic work of the household, the very foundation of which is a 24/7 availability on the part of the servant, as such work cannot be restricted to a fixed timeline like that of a *locatio conductio operae* arrangement, whose objective is the delivery of a specific service required by the employer (MS RL, AA 06, pp. 360-361; Kant, 1996a, p. 128). In contrast to such dependent workers, Kant views the domestic servant as especially vulnerable to common abuses. Yet he does not grasp that the burdens of domestic service stem mostly from the fact that such workers are intended to assume the arduous, never-ending work that women have traditionally performed;³² that is to say, he does not point out the structural injustice that stems from allocating reproductive basic labour to more vulnerable social groups, which saddles his theory of justice with some significant blind spots. It is worth noting, in this sense, how the absolute value attributed to the 'welfare of the household' entails patterns of structural injustice in Kant's practical philosophy. To begin with, such a welfare requires an extensive use of both human labour and material means. Moreover, domestic labour embodies forms of inequality between employer and employee that eventually spreads to other forms of work as well. This is a point that I would like to highlight, as

³² О чрезмерных нагрузках, связанных с репродуктивным домашним трудом, см. недавно опубликованную работу Морини: «Ключевой момент заключается в изменениях, вызванных появлением используемой в повседневной жизни бытовой техники, а также в превращении продуктов, связанных с языком и отношениями, в товары наряду с превращением в товары самих отношений. В этом и состоит историческая трансформация производственной парадигмы: репродуктивный труд стал производством» (Morini, 2020/21, p. 79). О цепочках добавления ценности, возникающих в рамках современных индустрий ухода, см.: (Fraser, 2022, p. 70). Фрейзер отмечает, что с точки зрения эмансипации здесь существует противоречие: репродуктивный труд перемещается от женщин Глобального Севера к женщинам Глобального Юга, которые, в свою очередь, вынуждены передавать заботу о собственных детях и стариках женщинам, находящимся в еще более уязвимом положении.

³² On the excesses involved with reproductive domestic labour, see the contemporary account by Morini (2020/21, p. 79): "The crucial point lies in the shift produced by the different devices that we use in our everyday life, and in the transformation of linguistic-relational products into commodities, alongside the modification of relationships themselves into commodities. Therein lies the historic change of the productive paradigm that has so far unfolded in the sense that reproduction has become production." On the chains of value stemming from the contemporary industries of care, see Fraser (2022, p. 70). Fraser notes the inconsistency from an emancipatory standpoint of the displacement of reproductive work from the women of the Global North to those of the Global South, who in turn must place the caregiving of their own descendants and ascendants in the hands of women in even more precarious situations.

ших их компаний³³. Уподобление фирмы «семье», например, помогает легитимировать использование труда наемных работников за пределами рабочих часов с целью повышения производительности. Таким образом, будучи не столь отличным от занятости на обычном рабочем месте, домашний труд вдохновил множество неолиберальных концепций, поскольку он является идеальной формой пригвождения человека к работе. Действительно, отличительной чертой фордистской культуры труда, возникшей в посткантовский период, является, как отмечает Андерсон, то, что «работодатели-промышленники оставляют за собой юридическое право руководить частными жизнями своих сотрудников» (Anderson, 2017, p. 49), вынося в публичную сферу мнимую договоренность «независимых» переговаривающихся сторон. Таким образом продолжается преклонение перед интересами домохозяйств и рынков, ставящее их выше благополучия сообщества как высшей общей цели всех граждан.

В своих рассуждениях по данному поводу Кант признает ценный вклад женщин в социально-репродуктивный труд домохозяйств, то есть их домашнее «совершеннолетие» (Brosch, 2024, p. 85). Тем не менее власти не вмешиваются в эту ситуацию и не ставят перед собой цель преобразовать структурную зависимость, делающую женщину «естественным» ухаживающим лицом в ее семье и круге, сформированном эмоциональными привязанностями. Неудивительно, что женщины высшего класса предпринимают попытку снять с себя обязанности, которые кажутся им обременительными, эксплуатируя работников из низших классов, от которых ожидается выполнение «всего дозволенного, что относится к благополучию домашнего быта» (AA 06, S. 360–361; Кант, 2014, с. 441)³⁴. Следуя за другими интерпрета-

I consider the sexist inequality pervading domestic units in Kant's view to have successfully spread into a large number of workplaces, which compel their employees to sacrifice their private lives and their health to boost the productivity patterns of the firm.³³ To compare the firm with a 'family' serves, for example, to legitimate the use of the worker's labour beyond the established working timetable in order to increase productivity. Thus, far from being separate from the conventional workplace, domestic service has inspired many neoliberal conceptions of labour as being an ideal form of attachment to one's work. Indeed, the Fordist work culture that emerged in the post-Kantian period would claim that "industrial employers retained their legal entitlement to govern their employees' domestic lives", according to Anderson (2017, p. 49), making a public issue of the alleged agreement of 'free' negotiating parties. My argument here, however, concerns the continued worshipping of the interests of households and markets — their placement above the welfare of the commonwealth as the highest shared goal of all citizens.

Kant's reasoning on this issue recognises the valuable contribution of women to the social reproduction of the household, i.e. their domestic 'maturity' (Brosch, 2024, p. 85). Nevertheless, public authority does not intervene in this account to transform the structural dependence that makes most women the 'natural' caregivers of their relatives and affective circles. Consequently, it is not at all surprising that upper-class women should attempt to discharge tasks they perceive as oppressive by exploiting lower-class workers, who are expected "*to do whatever is permissible* for the welfare of the household" (MS RL, AA 06, pp. 360-361; Kant,

³³ Уильямс предложил любопытную интерпретацию этого изменения, основанную на кантовской теории труда (Williams, 2024, p. 12–13).

³⁴ Уильямс предлагает интересный анализ неравенства, присущего договору о труде, который в кантовской философии права регулирует домашнюю работу (Williams, 2024, p. 12–13). См. также Паско:

³³ Williams (2024, pp. 12-13) has developed a stimulating interpretation of this shift based on Kant's theory of labour.

торами (Morini, 2020/21; Fraser, 2022; Sarvasy, Longo, 2004; Pateman, Mills, 2007), автор видит в домашнем труде нечто, что неизбежно будет переносить бремя его выполнения с высших социальных групп на более уязвимые. Во времена Канта последние не имели возможности отказаться от работы, которую предлагали состоятельные домохозяйства. Впрочем, такие отношения не редкость и в наше время.

В свете приведенных выше соображений о домашнем труде представляется, что его ограничение областью частного права в кантовской философии усугубляет обесценивание репродуктивного труда и задач, связанных с уходом за домом и близкими, то есть того естественного бремени, которое обеспеченные семьи оказываются в состоянии делегировать. Таким образом, отнесение задач по уходу к области частного права создает общественный порядок, при котором подобная работа делегируется занимающим более низкое социальное положение субъектам, эксплуатация которых усугубляется с отстранением института публичного права от регулирования подобных вопросов. При этом такое делегирование воспринимается как разделение бремени, а не социальная привилегия немногих. Не осознавая подобных рисков, Кант с одобрением относится к решению состоятельных женщин передать якобы лежащую на них ответственность за выполнение репродуктивного труда кормилицам и домашним слугам³⁵.

«Структурируя зависимость именно таким образом и формализуя ее через публичное право, мы вытесняем инфраструктуру свободы, равенства и взаимозависимости из сферы публичного права и публичной власти в частные отношения зависимости. В этой концепции цель публичного права состоит в формализации асимметричных отношений зависимости, а также в ограничении их потенциала к эксплуатации и доминированию» (Pascoe, 2024, p. 24).

³⁵ Более подробный анализ цепочек добавленной стоимости ухода и соответствующих утечек трудовых ресурсов, связанных с делегированием репродуктивного ухода, см.: (Pascoe, 2022; Sánchez Madrid, 2025b). Вопрос о том, несут ли женщины высшего класса «вину» за социальное доминирование, несколько проблематичен, поскольку они также являются жертвами патриархальной системы, возлагающей на них уходные и репродуктивные обязанности. Автор вы-

1996a, p. 128).³⁴ In the wake of other interpreters, I grasp something inevitable in the nature of domestic labour (Morini, 2020/21; Fraser, 2022; Sarvasy and Longo, 2004, Pateman and Mills, 2007) that shifts the burden from higher social sets to more vulnerable ones: just as the latter were powerless to reject the job offers that wealthy households made in Kant's time, we might easily project this same relationship onto our own.

Considering the above reasoning as regards domestic labour, its restriction to a private right in Kant's legal philosophy contributes to an undervaluing of reproductive and care tasks, which are considered a natural burden that wealthy families should be able to outsource. Thus, the privatisation of caregiving bolsters a social order that hands such caregiving work over to subaltern subjects, whose exploitation increases as public law over the management of these issues wanes, and the arrangement is seen as a shared burden, rather than the social privilege of a few. Far from grasping such risks, Kant applauds the decision of wealthy women to relinquish their alleged reproductive duties to wet nurses and domestic servants.³⁵ Moreover, in the *Lectures on An-*

³⁴ Williams provides a helpful account of the inequality involved in the labour contract ruling domestic service in Kant's legal philosophy (Williams, 2024, pp. 12-13). See also Pascoe (2024, p. 24): "It is also that by structuring dependence in this way, and formalising it through public law, we displace the infrastructure of freedom, equality, and interdependence from public law and public authority to private relations of dependence. The purpose of public law, in this framework, is to formalise asymmetrical relations of dependence, to check their capacity for exploitation and domination."

³⁵ For a more full-fledged account of the care chains and drains ensuing from the outsourcing of reproductive caregiving, see Pascoe (2022) and Sánchez Madrid (2025b). Addressing the question of whether wealthy women are somehow 'guilty' of a form of social domination is problematic, as they are also victims of a patriarchal system that burdens them with the obligation to fulfil care and reproductive tasks. I am grateful to one of the reviewers of this paper for making me aware that

Более того, в «Лекциях по антропологии» Кант восхищается обыкновением французских высших кругов делегировать женские заботы, такие как воспитание детей. Он видел в этом проявление подчинения слепых стремлений рациональным целям³⁶, что резко контрастирует с осуждением найма кормилиц, которое стало общим местом во времена Гегеля и Маркса³⁷. Следует отметить, что в «Эмиле» Руссо, послужившем отправной точкой для кантовских воззрений на брак и гендер, также порицается делегирование с целью освободить обеспеченных женщин от гнета репродуктивных задач. Кант действительно показывает себя оригиналом, выступая в защиту аристократок, перекладывающих подобные задачи на социально уязвимых женщин. Более того, он называет суррогатное материнство разумной гипотезой, так как оно может освободить привилегированный социальный слой женщин от неудобств рождения и воспитания детей. Данная точка зрения явно противоречит основам человеческого достоинства, заложенным Кантом в его собственном моральном учении. Диалек-

ражает благодарность рецензенту, обратившему внимание на необходимость включения этого вопроса в анализ неоднозначности понятия «социальное доминирование» в кантианском понимании, по крайней мере в контексте социального положения (и тревог) женщин. Что касается мужчин, страх быть обвиненными в трусости мог бы вызвать аналогичные вопросы, если сосредоточиться на тревогах, свойственных мужчинам — современникам Канта.

³⁶ В этом ключе см.: «...варварство — отнимать молодняк у животных, испытывающих к нему большую привязанность. Но в случае людей природные стремления могут быть подавлены и замещены другими посредством разума. Например, если бы это было возможно, парижанка бы с удовольствием избавилась от бремени деторождения, позволив другой женщине выносить ее дитя за деньги, подобно тому как более 8000 детей передаются в Париже на воспитание вне города» (AA 25, S. 585).

³⁷ См.: «Британок обвиняли в “офранцузивании”, подразумевая, что они слишком озабочены светской жизнью, спектаклями, суетой и увлекательными карточными играми. <...> Грудное вскармливание требовало от женщины выбора природной идентичности, следования предписанному им пути и отождествления с домашним бытом» (Brace, 2002, p. 339–340).

thropology, he celebrates the trend prevalent in French high society of outsourcing female concerns such as childrearing as a case of superseding blind drives by rational purposes,³⁶ in contrast to the negative view of wet nurses that was widespread in Hegel's and Marx's time.³⁷ It should also be noted that Rousseau's *Emil*, which was a touchstone for Kant's view of marriage and gender, also disavows the outsourcing measures aimed at freeing wealthy women from the pressures of reproductive tasks. In effect, Kant shows himself to be quite original in his defence of women who transfer such tasks to more socially vulnerable women. He goes so far as to suggest surrogate motherhood as a sensible hypothesis, designed to relieve a privileged social set of women from the inconveniences of childbirth and child rearing, a point of view in clear contradiction to the tenets of human dignity outlined in his own moral theory. The dialectical seesaw of domestic and reproductive labour viewed as something to be outsourced, or as a set of tasks common to women of all classes, remains unresolved.³⁸ An

this issue should be included in a detailed account of the ambiguity of 'social domination' in Kant's view, at least when one considers the social position (and anxieties) of women. With regard to men, the fear of being charged with cowardice could stir up similar questions if one focuses on male anxieties in Kant's time.

³⁶ See, in this direction, *V-Anth/Fried*, AA 25, p. 585 (Kant, 2012a, 138): "[It i]s barbaric to rob animals of their young, [when animals] have a great attachment to them. But with human beings the natural drives can be suppressed, and in their place others can be invented by reason; for example a Parisian woman would gladly be relieved of bearing a child, and let another woman bear the child for her for money, if it would work, just as also in Paris upwards of 8,000 children are handed over for their upbringing abroad."

³⁷ See Brace (2002, pp. 339-340): "British women were accused of being 'Frenchified', implying that they were too concerned with society, spectacle, frippery and the delights of the card table. [...] Maternal nursing required women to choose an identity grounded in nature, observing a path already mapped out for them and accepting identification with domesticity."

³⁸ See a similar claim in Pascoe (2017, pp. 611-612): "The

тическое противоречие между домашним и репродуктивным трудом, рассматриваемым как нечто подлежащее делегированию, с одной стороны, и как набор задач, решение которых является обязанностью женщин всех классов, — с другой, остается неразрешенным³⁸. Анализ влияния публичного права на рамку подобной дискуссии может оказаться плодотворным направлением для дальнейших исследований, опирающихся на воззрения Канта на данный общественно необходимый вид труда.

5. Заключение

В данной статье была предпринята попытка пролить свет на кантовский подход к социальному доминированию как явлению, овеещающему других в той мере, в которой оно сводит их лишь к средствам, что сам Кант был склонен рассматривать как результат вредных привычек и неверных решений отдельных субъектов. В третьем разделе рассмотрено «косвенное властвование», приписываемое Кантом женщинам высшего класса; оно представлено как следствие выдвижения на передний план предвзятого представления о женской субъектности, раскрывающего гендерное угнетение, что служит основой многих кантовских трудов по антропологии и праву. Также утверждалось, что привилегированная социальная группа не может ни считаться репрезентирующей женщин как универсальный класс, ни рассматриваться как по-настоящему эмансипированная, так как в XVIII в. женщинам высшего класса

³⁸ См. похожее утверждение у Паско: «Кантианское феминистское видение очевидно буржуазно: отдельные женщины могут обрести независимость через выход на рынок труда и делегирование домашнего труда как внутри семьи, так и в рамках сервисной экономики. Однако без аппарата для радикального переосмысления структуры домашнего труда и идеала независимости это видение не предлагает пути освобождения женщин как класса, поскольку независимость одних женщин может быть достигнута только за счет труда других женщин» (Pascoe, 2017, p. 611 — 612). См. также: (Sabourin, 2021b, p. 255).

examination of how public law could transform the framework of such a discussion might thus be a promising line of inquiry stemming from Kant's account of this socially necessary work.

5. Conclusion

In this paper I have attempted to cast some light on Kant's approach to social domination as a phenomenon that reifies others insofar as it reduces them to a mere means, which Kant himself basically viewed as the result of the bad habits and decisions of individual agents. In section three, I examined the 'indirect domination' that Kant attributes to financially secure women, which I presented as a consequence of a biased notion of female agency, revealing the gender oppression that underpins many of Kant's anthropological and legal writings. I also claimed that this privileged social set could neither represent women as a universal class, nor be regarded as a genuinely emancipated group. Socially and economically privileged women in the eighteenth century embodied a limited sort of independence, one that involved the oppression of more vulnerable individuals, both men and women, who in many European countries were often racialised subjects. In effect, Kant would encourage social emancipation in the domestic sphere by legitimating, through legal innovations, the social oppression of more precarious

Kantian feminist vision is a squarely bourgeois one, in which individual women may achieve independence through entry into the workforce and the outsourcing of domestic labour both within the household and within a service economy. But, without a framework for radically rethinking the structure of domestic labour and the ideal of independence, the Kantian vision offers no pathway for the liberation of women *as a class*, since the independence of some women can only be achieved on the backs of other women." On this issue, see also Sabourin (2021, p. 255).

была свойственна ограниченная степень независимости, влекущая за собой угнетение более уязвимых индивидов, как мужчин, так и женщин, подвергавшихся к тому же во многих европейских странах дискриминации по расовому признаку. В действительности Кант был готов поощрять социальную эмансипацию в домашней сфере, легитимируя посредством юридических новелл социальное угнетение более незащищенных групп. Подобная легитимация угнетения домашних слуг, чей тяжелый труд тем не менее не позволял признать их активными гражданами, привлекает внимание к любопытному феномену «косвенного властвования», осуществляемого состоятельными женщинами в своих домохозяйствах. Более того, данный антропологический подход игнорирует женщин, живущих в иных социальных условиях, так как их жизням и потребностям нет места в картине общества, призванной поддерживать и направлять эмпирический прогресс в рамках кантовской республиканской повестки. Напротив, включение женщин низших классов в анализ домашнего пространства ослабило бы кантовское стремление к глубокой трансформации социального пространства, которому свойственна интерсекциональная несправедливость наряду с другими формами доминирования, искореняемыми публичным правом.

Сексистские замечания Канта по поводу гендерных особенностей и ведения домашнего домохозяйства вряд ли можно проигнорировать с точки зрения актуальных представлений о социальной справедливости. Тем не менее стоит упомянуть два соображения, которые можно называть продуктивными результатами кантовского анализа домохозяйств высшего класса как гендерно-дифференцированных рабочих мест. Во-первых, Кант *косвенно указывает* на интерсекциональную несправедливость, проистекающую из того обстоятельства, что «служанки» (AA 06, S. 283 (§30); Кант,

and disadvantaged groups. Such a legitimization of the oppression of domestic servants, whose demanding labour still does not qualify them to be recognised as active citizens, serves also to highlight the curious phenomenon of ‘indirect domination’, which privileged women were supposed to exert in the household. Yet women in different social circumstances are neglected by such an anthropological approach, as their lives and needs are not taken into account in the social picture meant to support and guide the empirical progress of Kant’s republican agenda. On the contrary, allowing lower-class women to feature in his account of the domestic space would run the risk of weakening his ambition to deeply transform the social realm, with its intersectional injustices and other forms of domination, which public law is meant to counteract.

In my view, however, Kant’s sexist observations on gender and the making of the household should not fall on deaf ears from the contemporary perspective of social justice. I feel that at least two issues should be mentioned as a productive outcome of Kant’s account of the wealthy household as a gendered workplace. It is, first, worth noting that Kant *helps us indirectly* to grasp the intersectional injustice that arises from the fact that the “female servants of the house” (MS RL, AA 06, p. 283 (§30); Kant, 1996a, p. 66) suffer a *double discrimination*, as they either have to renounce having a household of their own, a common occurrence in Kant’s times, or to place — as is more usual nowadays — the caregiving of their own children and households into the hands of other dependent individuals. Thus, in Kant we can trace how the outsourcing of caregiving that was available to wealthy wives in the eighteenth century fostered the transfer of childrearing and care tasks from wealthy women to peasants and poor, racialised subjects. Al-

2014, с. 227) страдают от *двойной дискриминации*, так как либо отказываются от того, чтобы жить собственным домом, что было обычным делом во времена Канта, либо, как это чаще случается в наши дни, вынуждены передавать работу по уходу за своими детьми и домом другим зависимым индивидам. Следовательно, анализируя работы Канта, можно проследить, как делегирование обязанностей по уходу, доступное в XVIII в. состоятельным женщинам, поощряло передачу воспитания детей и иных подобных задач от обеспеченных женщин крестьянам и нуждающимся субъектам, страдавшим от расовой дискриминации. Несмотря на то что Кант не ставил под вопрос данное явление, представлявшее собой ключевой элемент присущей патриархальным обществам эксплуатации, современные интерпретаторы могут извлечь пользу из кантовского анализа сексистских черт домохозяйств для углубления понимания исторических корней современной репродуктивной эксплуатации Глобального Юга Глобальным Севером.

Необходимо отметить, что кантовский анализ современных ему эмансипированных женщин уделяет основное внимание социально-репродуктивному труду в буржуазных домохозяйствах, при этом подчеркивается особая ценность «общих целей», к достижению которых должны стремиться все члены домохозяйства. Но «общей целью» сообщества как такового, включая его «подручных людей» (AA 06, S. 315 (§ 46); Кант, 2014, с. 313), должно быть превращение ухода за домом и близкими в общую обязанность, защищаемую публичным правом, а не зависящую от социального статуса индивида. Кроме того, кантовский текст демонстрирует, что в обстоятельствах, когда республиканское государство не желает вмешиваться в вопросы, относящиеся к домашней работе, как традиционные, так и новые формы доминирования и угнетения сплета-

though he did not raise any issues with this phenomenon in terms of its being a key dimension of the exploitation embedded in all patriarchal societies, in my view, contemporary interpreters may benefit from his analysis of the sexist features of the household to better grasp the historical background of the current reproductive exploitation of the Global South by the Global North.

It is important to note that Kant's account of the emancipated women of his time focuses on the social reproduction of bourgeois households, highlighting the key value of the 'shared ends' for which its members ought to strive. Yet the 'shared ends' of the commonwealth as a whole, including its mere "underlings" (MS RL, AA 06, p. 315 (§ 46); Kant, 1996a, p. 92), should aim to make of caregiving a common duty to be protected by public law, and not subject to an individual's social status. Moreover, Kant's texts illustrate that, when the republican state is reluctant to intervene in matters related to domestic work, both traditional and newer forms of domination and oppression swiftly intertwine in a menacing whirl, hindering the further enlargement of the right to active citizenship. Kant did not grapple with the understanding of such concepts as that of a 'public burden'; powerful ideological patterns no doubt made him reluctant to take such a step. In any case, reframing his account of domestic labour, and the domination of women it entails, remains a pending task that should guide the path of future Kantian interpreters with an interest in intersectional and global justice theory.³⁹

³⁹ See Davis (1983, p. 139): "What is needed [...] are new social institutions to assume a good portion of the housewife's old duties." Her claims maintain their soundness despite the decades that have gone by since the publication of this essay.

ются в мощном вихре, сдерживающем дальнейшее распространение права активного гражданства. Кант не пытался осмыслить такие понятия, как «общественное бремя», что объясняется воздействием мощных идеологических паттернов. В любом случае переосмысление его анализа домашнего труда и связанного с ним доминирования над женщинами остается нерешенной задачей, стоящей перед будущими интерпретаторами Канта, занимающимися вопросами теории интерсекциональной и глобальной справедливости³⁹.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке следующих исследовательских проектов: MSCA JUSTLA 101183054 «Справедливость в XXI веке: перспектива из Латинской Америки», испанский исследовательский проект «Культуры угнетения, эксплуатация труда и государственные трансформации: междисциплинарные подходы к некоторым современным формам властвования. Социально-философское исследование» (PID2024-156672NB-I00), Programa Interuniversitario en Cultura de la Legalidad 4TRUST-CM (PHS-2024/PH-HUM-65), финансируемый Сообществом Мадрида, а также проект COST Action CA20134 «Элементы исследовательской программы по изменению климата, технологическим исследованиям и социальной справедливости» (TRSCSTS). Автор выражает благодарность всем присутствовавшим при обсуждении ранних версий статьи в Университете Катании, Университете Бохума, Университете Бонна и Университете Лавала, в особенности Хельге Варден, Сюзан Мелд Шелл, Озлем Дуве, Майклу К. В. Крылюку, Коринне Мит, Ховарду Уильямсу, Сильви Лорьо, Резе Мосайеби, Эве Вы-

³⁹ См.: «Необходимо... чтобы новые социальные институты взяли на себя значительную долю старых обязанностей домохозяйки» (Davis, 1983, p. 139). Идеи Дэвис сохраняют свою здравость, несмотря на то что с момента публикации эссе прошло несколько десятилетий.

Acknowledgements. This article has been supported by the following ongoing research projects: the MSCA JUSTLA 101183054 "Justice in the XXI Century: A Perspective from Latin America", the Spanish research project "Cultures of Oppression, Labour Exploitation, and State Transformations: Intersectional Approaches to Some Contemporary Forms of Domination. A Social Philosophy Research" (PID2024-156672NB-I00), the Programa Interuniversitario en Cultura de la Legalidad 4TRUST-CM (PHS-2024/PH-HUM-65), awarded by the Community of Madrid, and the COST Action CA20134 "Traces of Research Agenda for Climate Change, Technology Studies, and Social Justice" (TRSCSTS). I am grateful to the audiences of previous drafts of this article at the University of Catania, the University of Bochum, the University of Bonn, and the University of Laval, in particular for the stimulating and helpful remarks of Helga Varden, Susan Meld Shell, Özlem Duva, Michael C.V. Kryluk, Corinna Mieth, Howard Williams, Sylvie Loriaux, Reza Mosayebi, Ewa Wyberska-Dermanović, Martin Sticker, Luke Davies, Alice Pinheiro Walla, Sophie Møller, Garrath Williams and David Baumeister. I also thank the remarks received from two blind peer-reviewers of "Kantian Journal" and Donald Murphy for the accurate copy-editing of this article.

References

- Anderson, E., 2017. *Private Government. How Employers Rule Our Lives (and Why We Don't Talk about It)*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Brace, L., 2002. The Tragedy of the Freelance Hustler: Hegel, Gender and Civil Society. *Contemporary Political Theory*, 1, pp. 329-347.
- Brosch, A., 2024. *Haus, Markt, Staat. Ökonomie in Kants praktischer Philosophie und Anthropologie*. Berlin & Boston: Walter de Gruyter.

бэрске-Дерманович, Мартину Штиккеру, Люку Дэвису, Элис Пинейро Валле, Софи Мёллер, Геррату Уильямсу и Дэвиду Баумейстеру за содержательные и полезные замечания. Отдельная благодарность – за замечания двух анонимных рецензентов журнала «Кантовский сборник», а также Дональду Мерфи за добросовестную корректуру английской версии статьи.

Список литературы

- Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 39–276.
- Кант И. Лекции по этике // Кант И. Лекции по этике: пер. с нем. / общ. ред., сост. и вступ. ст. А. А. Гусейнова. М. : Республика, 2000. С. 38–223.
- Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1 // Соч. на нем. и рус. яз. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. Т. 5.
- Кант И. Антропология в прагматическом отношении // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024а. Т. 1. С. 162–396.
- Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024б. Т. 2. С. 48–55.
- Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024в. Т. 2. С. 114–158.
- Кант И. Религия в границах одного только разума // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024г. Т. 3.
- Anderson E. Private Government. How Employers Rule Our Lives (and Why We Don't Talk about It). Princeton, NJ : Princeton University Press, 2017.
- Brace L. The Tragedy of the Freelance Hustler: Hegel, Gender and Civil Society // Contemporary Political Theory. 2002. Vol. 1. P. 329–347.
- Brosch A. Haus, Markt, Staat. Ökonomie in Kants praktischer Philosophie und Anthropologie. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2024.
- Davis, A., 1983. *Women, Race & Class*. New York: Vintage Books.
- Deyo, D., 2016. Jane Austen and the economic way of thinking. *International Journal of Pluralism and Economics Education*, 7(2), pp. 170-182.
- Foucault, M., 2008. *Introduction to Kant's Anthropology*. Edited by R. Nigro, translated by R. Nigro and K. Briggs. Los Angeles: Semiotext(e).
- Fraser, N., 2022. *Cannibal Capitalism. How Our System Is Devouring Democracy, Care, and the Planet – and What We Can Do about It*, New York & London: Verso.
- Fricker, M., 2007. *Epistemic Injustice. Power and the Ethics of Knowing*. Oxford: Oxford University Press.
- Frierson, P., 2017. *Kant's Empirical Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hay, Carol, 2013. *Kantianism, Liberalism, and Feminism: Resisting Oppression*. Cham: Palgrave-Macmillan.
- Heller, A., 1985. Can “True” and “False” Needs be Posited? In: A. Heller, 1985. *The Power of Shame*. London: Routledge, pp. 285-298.
- Hippel, T. G. von, 1792. *Über die bürgerliche Verbesserung der Weiber*. Berlin: Voß, 1792.
- Hippel, T. G. von, 1799. *On Improving the Status of Women*. Translated and edited by T. F. Sellner. Detroit: Wayne State University Press.
- Honneth, A., 1995. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Translated by J. Anderson. Cambridge: Polity Press.
- Hume, R. D., 2013. Money in Jane Austen. *The Review of English Studies*, 64(264), pp. 289-310.
- Huseyinzadegan, D., 2018. For What Can the Kantian Feminist Hope? Constructive Complicity in Appropriations of the Canon. *Feminist Philosophy Quarterly*, 4(1), pp. 1-25.
- Kant, I., 1996a. *Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365-603.
- Kant, I., 1996b. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by Mary Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 37-108.
- Kant, I., 1996c. *On the Common Saying: That May Be Correct in Theory, but It Is of No Use in Practice*. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by Mary Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 273-309.

Davis A. *Women, Race & Class*. N.Y. : Vintage Books, 1983.

Deyo D. Jane Austen and the Economic Way of Thinking // *International Journal of Pluralism and Economics Education*. 2016. Vol. 7, №2. P. 170–182.

Foucault M. Introduction à L'Anthropologie de Kant // Kant E. *Anthropologie d'un point de vue pragmatique / précédé de M. Foucault, présentation par D. Defert, Fr. Ewald, F. Gros*. Paris : Librairie Philosophique J. VRIN, 2008. P. 11–80.

Fraser N. *Cannibal Capitalism. How Our System Is Devouring Democracy, Care, and the Planet – and What We Can Do about It*. N. Y. ; L. : Verso, 2022.

Fricker M. *Epistemic Injustice. Power and the Ethics of Knowing*. Oxford : Oxford University Press, 2007.

Frierson P. *Kant's Empirical Psychology*. Cambridge : Cambridge University Press, 2017.

Hay C. *Kantianism, Liberalism, and Feminism: Resisting Oppression*. Cham : Palgrave-Macmillan, 2013.

Heller A. Can “True” and “False” Needs be Posited? // Heller A. *The Power of Shame*. L. : Routledge, 1985. P. 285–298.

Hippel T.G. von. 1979. On Improving the Status of Women / transl. and ed. by T.F. Sellner. Detroit : Wayne State University Press, 1979.

Hippel T.G. von. *Über die bürgerliche Verbesserung der Weiber*. Berlin : Voß, 1792.

Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts* / transl. by J. Anderson. Cambridge : Polity Press, 1995.

Hume R.D. Money in Jane Austen // *The Review of English Studies*. 2013. Vol. 64, №264. P. 289–310.

Huseyinadzegan D. For What Can the Kantian Feminist Hope? Constructive Complicity in Appropriations of the Canon // *Feminist Philosophy Quarterly*. 2018. Vol. 4, №1. P. 1–25.

Khader S.J. *Adaptive Preferences and Women's Empowerment*. Oxford ; N. Y. : Oxford University Press, 2011.

Knowledge, Morals, and Practice in Kant's Anthropology / ed. by G. Lorini, R. Louden. Cham : Palgrave McMillan, 2018.

Laitinen A. Social Pathologies, Reflexive Pathologies, and the Idea of Higher-Order Disorders // *Studies in Social and Political Thought*. 2015. Vol. 1. P. 44–65.

Laitinen A., Särkelä A. Four Conceptions of Social Pathology // *European Journal of Social Theory*. 2019. Vol. 22, №1. P. 80–102.

Kant, I., 1996d. *An Answer to the Question: What is Enlightenment?* In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 15–22.

Kant, I., 1996e. *Religion within the Boundaries of Mere Reason*. In: I. Kant, 1996. *Religion and Rational Theology*. Translated and edited by A.W. Wood and G. di Giovanni. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 54–215.

Kant, I., 1997. *Lectures on Ethics*. Translated by P. Heath, edited by P. Heath and J. B. Schneewind. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2006. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Edited and translated by R. Louden. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2012a. *Lecture of the Winter Semester 1775–1776 based on the transcriptions Friedländer 3.3 (Ms 400), Friedländer 2 (Ms 399) and Prieger*. Translated by G. Felicitas Munzel. In: I. Kant, 2012. *Lectures on Anthropology*. Translated and edited by R. Clewis, R. Louden, G. Felicitas Munzel and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 43–255.

Kant, I., 2012b. *Lecture of the Winter Semester 1781/82 [?] based on the transcriptions Menschenkunde, Petersburg*. Translated by R.B. Louden. In: I. Kant, 2012. *Lectures on Anthropology*. Translated and edited by R. Clewis, R. Louden, G. Felicitas Munzel and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 289–333.

Kant, I., 2012c. *Lecture of the Winter semester 1784–1785 Based on the Transcription Mrongovius, Marienburg*. Translated by R. Clewis. In: I. Kant, 2012. *Lectures on Anthropology*. Translated and edited by R. Clewis, R. Louden, G. Felicitas Munzel and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 339–509.

Kant, I., 2016. *Drafts for the 'Metaphysics of Morals'*. Translated by K.R. Westphal. In: I. Kant, 2016. *Lectures and Drafts on Political Philosophy*. Translated and edited by F. Rauscher and K.R. Westphal. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 233–358.

Khader, S.J., 2011. *Adaptive Preferences and Women's Empowerment*. Oxford and New York: Oxford University Press.

Laitinen, A., 2015. Social Pathologies, Reflexive Pathologies, and the Idea of Higher-Order Disorders. *Studies in Social and Political Thought*, 1, pp. 44–65.

Laitinen, A. and Särkelä, A., 2019. Four conceptions of social pathology. *European Journal of Social Theory*, 22(1), pp. 80–102.

Lenczewska O. Karolina on Confining Women to Domestic Labor and Private Reason // *Kant's Early Followers in Political Philosophy* / ed. by R. Maliks, E. Widmer. L. : Routledge, 2025. P. 90–113.

Louden R. *Kant's Impure Ethics: from Rational Beings to Human Beings*. Oxford : Oxford University Press, 2000.

Morini Ch. Life is Mine. Feminism, Self-Determination, and Basic Income // *Radical Philosophy*. 2020/21. Vol. 2, №9. P. 75–80.

Pascoe J. Working Women and Monstrous Mothers: Kant, Marx, and the Valuation of Domestic Labour // *Kantian Review*. 2017. Vol. 22, №4. P. 599–618.

Pascoe J. A Universal Estate: Kant and Marriage Equality // *Kant's Doctrine of Right in the 21st Century* / ed. by L. Krasnoff, N. Sánchez Madrid, P. Satne. Cardiff : University of Wales Press, 2018. P. 220–240.

Pascoe J. *Kant's Theory of Labour*. Cambridge : Cambridge University Press, 2022.

Pascoe J. A Kantian Theory of Employment, or How Domestic Right Structures Contemporary Work: A Reply to Williams // *Con-textos Kantianos. International Journal of Philosophy*. 2024. № 20. S. 17–25.

Pateman C., Mills C.W. *Contract and Domination*. Cambridge : Polity Press, 2007.

Sabourin Ch. Theodor Gottlieb von Hippel on the Status of Women in the State // *Women and Philosophy in Eighteenth-Century Germany* / ed. by C. W. Dyck. Oxford : Oxford University Press, 2021a. P. 157–175.

Sabourin Ch. Kant's Enlightenment and Women's Peculiar Immaturity // *Kantian Review*. 2021b. Vol. 26, № 2. P. 235–260.

Sánchez Madrid N. Kant on Labor Relations: An Account of Economic Dependence from the Perspective of Social Philosophy // *Philosophy of the Social Sciences*. 2025a. Vol. 55, № 4. P. 330–347.

Sánchez Madrid N. Who Is the Caregiver in Kant's Theory of Labour? Examining Social Domination in Classical German Philosophy // *Kantian Review*. First View. 2025b. P. 1–18.

Sarti R. Slaves, Servants and other Dependent People: Early Modern Classifications and Western Europe's Self-Representation // *Labour Laws in Preindustrial Europe. The Coercion and Regulation of Wage Labour. C. 1350–1850* / ed. by J. Whittle, T. Lambrecht. N. Y. : Boydell & Brewer, 2023. P. 103–123.

Sarvasy W., Longo P. The Globalization of Care // *International Feminist Journal of Politics*. 2004. Vol. 6, № 3. P. 392–415.

Lenczewska, O., 2025. Karolina on Confining Women to Domestic Labor and Private Reason. In: R. Maliks & E. Widmer, eds. 2025. *Kant's Early Followers in Political Philosophy*. London: Routledge, pp. 90-113.

Lorini, G. and Loudén, R., eds. 2018. *Knowledge, Morals, and Practice in Kant's Anthropology*. Cham: Palgrave Macmillan.

Louden, R., 2000. *Kant's Impure Ethics: from Rational Beings to Human Beings*. Oxford: Oxford U.P.

Morini, C., 2020/21. Life is Mine. Feminism, Self-Determination, and Basic Income. *Radical Philosophy*, 2(9), pp. 75-80.

Pascoe, J., 2015. Domestic Labour, Citizenship, and Exceptionalism: Rethinking Kant's "Woman Problem". *Journal of Social Philosophy*, 46(3), pp. 340-356.

Pascoe, J., 2017. Working Women and Monstrous Mothers: Kant, Marx, and the Valuation of Domestic Labour. *Kantian Review*, 22(4), pp. 599-618.

Pascoe, J., 2018. A Universal Estate: Kant and Marriage Equality. In: L. Krasnoff, N. Sánchez Madrid and P. Satne, eds. 2018. *Kant's Doctrine of Right in the 21st Century*. Cardiff: University of Wales Press, pp. 220-240.

Pascoe, J., 2022. *Kant's Theory of Labour*. Cambridge: Cambridge University Press.

Pascoe, J., 2024. A Kantian Theory of Employment, or How Domestic Right Structures Contemporary Work: A Reply to Williams. *Con-textos Kantianos. International Journal of Philosophy*, 20, pp. 17-25.

Pateman, C. and Mills, C.W., 2007. *Contract and Domination*. Cambridge: Polity Press.

Sabourin, C., 2021a. Theodor Gottlieb von Hippel on the Status of Women in the State. In: C. W. Dyck, ed. 2021. *Women and Philosophy in Eighteenth-Century Germany*, Oxford, Oxford University Press, pp. 157-175.

Sabourin, C., 2021b. Kant's Enlightenment and Women's Peculiar Immaturity. *Kantian Review*, 26(2), pp. 235-260.

Sánchez Madrid, N., 2025a. Kant on Labor Relations: An Account of Economic Dependence from the Perspective of Social Philosophy. *Philosophy of the Social Sciences*, 55(4), pp. 330-347.

Sánchez Madrid, N., 2025b. Who Is the Caregiver in Kant's Theory of Labour? Examining Social Domination in Classical German Philosophy. *Kantian Review*, First View, pp. 1-18.

Sarti, R., 2023. Slaves, Servants and other Dependent People: Early Modern Classifications and Western Europe's Self-Representation. In: J. Whittle and T. Lambrecht, eds. 2023. *Labour Laws in Preindustrial Europe. The Coercion and Regulation of Wage Labour. C. 1350-1850*. New York: Boydell & Brewer, pp. 103-123.

Šumah L. On Man's Right to Be Jealous, and Woman's Duty to Induce Her Own Demise // *Problemi International*. 2022. Vol. 60, № 11–12. P. 65–80.

Varden H. *Sex, Love, and Gender: A Kantian Theory*. Oxford : Oxford University Press, 2020.

Williams G. Employment, Status, Hierarchy: on Jordan Pascoe, "Kant's Theory of Labour" // *Con-textos Kantianos*. *International Journal of Philosophy*. 2024. № 20. P. 7–15.

Zurn C. Social Pathologies as Second-Order Disorders // *Axel Honneth: Critical Essays: with a Reply by Axel Honneth* / ed. by D. Petherbridge. L. : Brill Academic, 2011. P. 345–370.

Об авторе

Нурия Санчес-Мадрид, доктор философии, исследовательская группа GINEDIS/INSTIFEM, факультет философии и общества, Мадридский университет Комплутенсе, Испания.

E-mail: nuriasma@ucm.es

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4273-5948>

Для цитирования:

Санчес-Мадрид Н. Кант и гендерное угнетение: положение состоятельных женщин в XVIII веке, «косвенное властвование» и гендерная эмансипация // *Кантовский сборник*. 2025. Т. 44, № 3. С. 7–42.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-1>

© Санчес-Мадрид Н., 2025.

Sarvasy, W. and Longo, P., 2004. The Globalization of Care. *International Feminist Journal of Politics*, 6(3), pp. 392-415.

Šuma, L., 2022. On Man's Right to Be Jealous, and Woman's Duty to Induce Her Own Demise. *Problemi International*, 60(11-12), pp. 65-80.

Varden, H., 2020. *Sex, Love, and Gender. A Kantian Theory*. Oxford: Oxford University Press.

Williams, G., 2024. Employment, status, hierarchy: on Jordan Pascoe, "Kant's Theory of Labour". *Con-textos Kantianos*. *International Journal of Philosophy*, 20, pp. 7-15.

Zurn, C., 2011. Social Pathologies as Second-order Disorders. In: D. Petherbridge, ed. 2011. *Axel Honneth: Critical Essays: with a Reply by Axel Honneth*. London: Brill Academic, pp. 345-370.

The author

Dr Nuria Sánchez **Madrid**, Research Group GINEDIS/INSTIFEM, Department of Philosophy and Society, Complutense University of Madrid, Spain.

E-mail: nuriasma@ucm.es

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4273-5948>

To cite this article:

Sánchez Madrid, N., 2025. Kant and Gender Oppression: Privileged Eighteenth-Century Women, 'Indirect Domination' and Gender Emancipation. *Kantian Journal*, 44(3), pp. 7-42.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-3-1>

© Sánchez Madrid N., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))